рик душ и иля-я дру
18+

Ани Вебр

Крик души или Я другая

https://litres.ru/74699987
SelfPub; 2026

Аннотация

Богиня отправила меня в другой мир, чтоб остановить там войну. А я не придумала ничего лучше, чем обзавестись самым злейшим врагом.

- Как ты смеешь мальчишка?!!! – взревел он, подаваясь в мою сторону.

- Всего лишь озвучиваю правду. – вздернула повыше подбородок и продолжила. – Тот парень. – махнула в сторону избитого. – Еле держится на ногах. Ему лекарь нужен. В таком виде он продержится не больше пары минут. – в место благодарности поймала злющий и уничтожающий взгляд ирлинга. Вот и помогай после этого существам. – И так понятно чем закончится этот поединок. Вашей победой. – продолжала смотря на демона. – Ты настолько немощный, что дерешься с больными? – перешла на ты, чтоб посильнее зацепить. – Или нет подходящих по силе противников?

Вторая книга цикла, но можно читать отдельно.

Крик души или Я другая

Чтоб летать, не нужны крылья,
Нужна лишь все объемлющая любовь!

ПРОЛОГ

Стою на арене — и время будто застывает, превращая каждый миг в тяжёлую, густую каплю, которая падает медленно, почти неохотно. Песок под ногами тёплый, сухой, он цепляется за сапоги, словно пытается удержать, не пустить в эту бездну. Сжимаю меч двумя руками — пальцы белеют на рукояти, костяшки напряжены, и в этом напряжении — вся моя нерешительность, вся та отчаянная храбрость, что рождается не из силы, а из невозможности поступить иначе.

«Как я вообще умудрилась вляпаться во всё это? — крутится в голове, как надоевшая, но неотвязная мысль. — Вот кто меня тянул за язык? Стояла бы, молчала. Глядишь, и ушла бы здоровой и невредимой». Но тут же сама себе отвечаю: «Тогда это была бы не я. Я всегда за честность и справедливость. И, похоже, только я здесь за честность. Остальным плевать. Всем остальным подавай хлеба и зрелищ».

После грандиозного скандала на рынке с тем самым козлом — ладно, не козлом, пусть будет демоном, — мне посоветовали как можно быстрее и дальше убраться из города.

Он тут на хорошем счету у власти. Я не дура: схватила вещи, взяла «ноги в руки» и пошла искать попутчиков — тех, с кем можно быстро и недорого уехать. Но… конечно, это пресловутое «женское но» занесло меня на площадь.

Площадь гудела, как растревоженный улей. Куча народа сидела на трибунах вокруг арены, все бурно что-то обсуждали, отдавали деньги демонам в чёрных костюмах и масках — те ходили вдоль рядов с небольшими мешочками и блокнотами с карандашами в руках. Воздух был густ от запахов пота, пыли, пряностей и чего-то ещё — острого, звериного, предвкушающего. Демоны делали ставки на предстоящий бой, и в их движениях, в наклонах голов, в быстрых записях было столько холодной расчётливости, что становилось не по себе.

«Посмотрела, Ксю? Вот и иди дальше», — уговаривала я себя, чувствуя, как внутри всё сжимается от дурного предчувствия. Но странное, непонятное чувство в груди — горячее, колючее, будто кто-то поднёс к сердцу раскалённую иглу — заставляло стоять на месте, не двигаться, не уходить.

И вот на арену выходит… он. Тот самый «козёл» с рынка. Подошла поближе, вглядываясь, не веря своим глазам. Точно он. Стоит, красуется, как павлин, будто весь мир создан только для того, чтобы им любоваться. Хвоста не хватает… А нет, появился — демонический, с острым, как у стрелы, наконечником. И рога на голове. Теперь он вылитый козёл. Усмехаюсь про себя, но в этой усмешке нет веселья —

только горечь и злость. Потом он похвастался и, убрав всё лишнее, снова стал похож на человека — широкий разворот плеч, под два метра ростом, мышцы бугрятся на груди и руках. Одет в высокие сапоги и чёрные кожаные брюки, торс голый, меч в руке тяжёлый, хищно поблескивающий. Смуглый, с угольно-чёрными волосами, собранными в хвост на затылке. Чёрные глаза иногда отблескивают красным — и от этого мерцания по коже бегут мурашки, а в груди всё сжимается в тугой, ледяной комок. Выглядит лет на тридцать, хотя с нашей продолжительностью жизни может оказаться и намного старше.

Когда он закончил красоваться, вывели парня — именно вывели, под руки, два демона встали позади, как стражи. Парень отличался от демона: кожа светлая, на голову ниже ростом, в высоких сапогах и потрёпанных серых штанах. Растрёпанные короткие волосы цвета шоколада. В руках он держал меч, стоял с гордо поднятой головой — и в этой гордой позе было столько достоинства, что на мгновение у меня перехватило дыхание. Но из-за множественных синяков, кровоподтёков и ран было понятно, что эта поза даётся ему с трудом. Губы разбиты, на лице тоже синяки. С трудом просматривалось, что парень довольно симпатичный — и плечи широкие, и мышцы есть, но избитый, осунувшийся вид ясно давал понять: победителем в бою ему не быть. Его сила была сломана, но дух ещё держался — и именно это заставляло сердце сжиматься от боли и ярости.

— Бой будет длиться до последнего вздоха одного из противников, — объявил ведущий, и его голос, усиленный магией, прокатился над площадью, как раскат грома.

Я вздрогнула, отвлекаясь от разглядывания избитого парня. Мир вокруг вдруг стал слишком ярким, слишком громким, слишком настоящим — и оттого пугающим.

— Осталось ещё несколько минут сделать ставки на победу демона Димитриса или ирлинга, — продолжал распалять толпу ведущий, с пренебрежением выплюнув последнее слово.

Тишина на трибунах была не спокойной — она была напряжённой, звенящей, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. И в этот момент что-то во мне сломалось — или, наоборот, встало на место.

— Этот бой будет самым смешным и ничтожным из всех, что я когда-либо видел, — влезла я, громко высказавшись, чтобы как можно больше народа услышали мои слова. При этом я сверлила взглядом демона-«козла». — Вы ещё хуже, чем я о вас подумал, впервые увидев. В вас нет ни грамма гордости и достоинства, — с вызовом бросила я, чувствуя, как слова обжигают язык, а сердце колотится где-то в горле.

«Да что же тебе неймётся, Ксю? Ты решила, что сегодня самый подходящий день для смерти?» — ругала себя я в душе, но остановиться уже не могла.

— Как ты смеешь, мальчишка?! — взревел он, подаваясь в мою сторону, и воздух вокруг него будто потемнел, стал

гуще, тяжелее.

— Всего лишь озвучиваю правду, — вздёрнула повыше подбородок и продолжила: — Тот парень, — махнула в сторону избитого, — еле держится на ногах. Ему лекарь нужен. В таком виде он продержится не больше пары минут. — Вместо благодарности поймала злющий, уничтожающий взгляд ирлинга. Вот и помогай после этого существам. — И так понятно, чем закончится этот поединок. Вашей победой, — продолжала, смотря на демона. — Ты настолько немощный, что дерёшься с больными? — перешла на «ты», чтобы посильнее зацепить. — Или нет подходящих по силе противников?

— Я могу сразиться с любым здесь присутствующим! — рычал в негодовании он. — Есть желающие? Прошу на ринг!

В секунду наступила звенящая тишина. Казалось, что все даже шевелиться и дышать перестали. Обвела взглядом трибуны — желающих не нашлось. Тени на лицах стали глубже, глаза — осторожнее, будто каждый боялся, что его имя выкрикнут в этой тишине.

— Если вокруг одни трусы, быть может, я буду твоим противником? — выдвинула предложение, мысленно давая себе подзатыльник.

— Ты? — усмехнулся Димитрис. — Ты слишком хил и молод. Ты и тридцати секунд не продержишься.

— Это ещё не проверено. И, по крайней мере, я абсолютно здоров, — продолжаю нарываться, хотя уже давно пора

бежать и как можно дальше.

— Чтоб все считали меня ничтожеством? Даже у ирлинга больше шансов победить, — продолжал посмеиваться надо мной он.

Была не была. Идём ва-банк.

— Боишься позорного проигрыша мальчишке? — ухмыляюсь в ответ, и в этой ухмылке — вся моя бравада, вся моя отчаянная попытка скрыть страх.

Его весёлость пропадает, и глаза наливаются кровью — не буквально, но взгляд становится таким, будто в них загорается адское пламя.

— Я давал тебе шанс, но ты сам напросился, — холодно звучит голос. — Поднимайся!

Запрыгиваю на арену и встаю напротив, вынимая меч из ножен. Металл поёт тихим, острым звуком, и этот звук — как обещание, как клятва, которую я ещё не готова произнести вслух.

— По каким правилам будет проходить бой? — спрашиваю, оттягивая время, цепляясь за слова, как за соломинку. Осознаю, что мой язык в очередной раз привёл меня к проблемам — но теперь уже поздно отступать.

— Сделаю тебе подарок и поменяю правила, — неожиданно произносит демон, и в его голосе проскальзывает что-то похожее на уважение — или на любопытство. — Не хочу быть виновным в смерти глупого мальчишки. Бой будет длиться двадцать минут. Выиграет тот, на чьём теле будет

меньше ранений. И в качестве награды победитель заберёт ирлинга.

— И что с ним можно будет потом делать? — уточнила я, хотя и не было в этом смысла. В то же время выдыхаю, что не придётся убивать. Никогда этого ещё не делала и не уверена, что смогу.

— Ты всё же надеешься победить? — с усмешкой спросил он и ответил на мой вопрос: — Он будет законным трофеем. Так что можно делать с ним всё, что душа пожелает. Даже убить, — на последних словах демон кровожадно посмотрел на ирлинга, и от этого взгляда у меня внутри всё похолодело.

— Хорошо. Заберу его с собой, — киваю для убедительности, и в этом кивке — моё обещание, моё слово, которое я намерена сдержать любой ценой.

— Ты забавный малый, — впервые он улыбнулся по-настоящему — не издевательски, а почти искренне. — Может, изменим награду, и трофеев будет два? И проигравший тоже достанется победителю? Ты бы развлекал меня дома по вечерам.

— Нет. Тебя я с собой не возьму. С твоим характером ты доставишь мне кучу проблем, — отвечаю спокойно, хотя внутри всё дрожит.

Демон громко заржал — звук был грубым, но в нём не было злобы, только какая-то дикая, первобытная радость от схватки. Отсмеявшись, ответил:

— Хорошая шутка. Ладно, я понял, что не желаешь быть

слугой. Что ж, тогда оставим всё как есть, и пора начинать.

Мы отступили друг от друга на два шага — и в этой дистанции было столько напряжения, что казалось, воздух между нами звенел, как туго натянутая струна. Грянул горн, обозначая начало поединка, и звук его прокатился над ареной, как первый раскат грозы — предвещая бурю, которую уже нельзя остановить.

ГЛАВА 1

За некоторое время до описанных выше событий.

Меня зовут Ксения. Можно просто Ксюша, а родные называют меня просто Ксю.

Стою, смотрю на себя в зеркало — и будто пытаюсь разглядеть в отражении не просто черты лица, а ту самую искру, из-за которой всё вечно летит кувырком. Молодая, вполне симпатичная девушка двадцати лет — но в этом «вполне» столько сомнений, столько тихого спора с самой собой, что оно звучит почти как вызов. Вьющиеся волосы цвета молочного шоколада до плеч ложатся мягкими волнами, будто сами по себе знают, как лучше обрамлять лицо. Зелёные глаза — яркие, но в них прячется тень осторожности, словно они заранее готовятся к тому, что сейчас случится что-то не по плану. Смуглая кожа отливает тёплым, едва уловимым золотом — всё это мне досталось от отца. Как и характер: гордая и упёртая — так постоянно говорит мама, и в её словах нет

злости, скорее усталое признание факта, с которым она смирилась много лет назад.

Зато фигура у меня мамина — среднего роста, миниатюрная, со всеми выдающимися частями тела. Только подчёркивать это я не люблю. Хожу в свободных футболках или рубашках чёрного цвета и таких же брюках — ткань ложится мягкими складками, скрадывая очертания, делая меня ещё худее и миниатюрнее, почти невесомой. Волосы собираю в низкий хвост, а на лоб повязываю полоску из скрученного чёрного платка — простой, но упрямый штрих, который будто говорит: «Не надо меня разглядывать, я не для этого здесь». Не пользуюсь косметикой: ни туши, ни румян, ни помады — мне кажется, что лицо должно оставаться своим, настоящим, без прикрас и уловок.

Мама постоянно твердит, что в таком виде я похожа на мальчишку. Пытается задеть, чтобы я начала одеваться, как полагается девушке, — и в этих попытках столько заботы, столько тихой тревоги, что я не злюсь, только чуть кривлю губы в полуулыбке и качаю головой. Но меня это не трогает. Мне нравится быть похожей на мальчика — не потому, что хочу притворяться кем-то другим, а потому, что так я могу слиться с толпой, стать незаметной, раствориться в серых улицах и тёмных переулках, где никто не задаёт лишних вопросов. Так я могу делать всё, что захочу, не оглядываясь, не оправдываясь, не чувствуя на себе любопытных взглядов.

Не люблю привлекать к себе внимание — и это желание

живёт во мне как тихий, упрямый закон, который я стараюсь соблюдать изо всех сил. Но из-за острого языка всегда влипаю в проблемы: слова срываются с губ раньше, чем успеваю их удержать, будто внутри меня сидит маленький бунтарь, которому невыносимо молчать, когда всё вокруг неправильно. И вот этот контраст — желание быть незаметной и неспособность промолчать, когда нужно, — и делает меня такой, какая я есть.

Внимание к нашей семье и так повышенное. Ведь родилась и выросла я в особенной семье — в той, где каждый шаг, каждый вздох, каждое слово будто записывается невидимым наблюдателем, чтобы потом быть пересказанным, перекрученным, превращённым в слухи. И потому я прячу себя в чёрное, в простоту, в неприметность — и одновременно не могу удержаться, чтобы не сказать правду в лицо, даже если она колючая и неудобная. В этом противоречии — вся я: тихая и громкая, осторожная и безрассудная, старающаяся не выделяться — и всё равно выделяющаяся.

Нашу семью особенной сделала мама. Она выросла в другом мире, называет его Земля — и когда произносит это слово, в её голосе всегда звучит тихая, едва уловимая ностальгия, словно она вспоминает не просто место, а целую жизнь, оставленную позади. Благодаря богине Азазель она попала в

мир Азаил — в наш мир, в тело случайно погибшей аристократки Эмилии. Маму зовут Эм, и богиня привела её в свой мир, чтобы спасти его. Говорят, он был на грани вымирания: царил матриархат, процветало мужское рабство. Мужчины страдали и умирали от женской руки — и в это тяжело поверить, тем более представить, ведь теперь мы живём в гармонии, любви и мире. Благодаря маме, которая подружилась с королевой, — вдвоём они смогли отменить рабство и изменить мир. После появилась богиня и помогла закрепить изменения. Повысила рождаемость женского пола. Нас стало больше, но всё равно ещё недостаточно для полного баланса. Поэтому у нас узаконено многомужество.

У меня два отца: Вейлинс и Касель. Папа Вей был мужем ещё настоящей Эмилии. Разводов у нас нет, и маме пришлось искать с ним общий язык и пытаться подружиться — и в этих попытках, в этой осторожности двух чужих людей, волей судьбы оказавшихся рядом, постепенно, как росток пробивается сквозь камень, проросло нечто настоящее. Со временем они смогли полюбить друг друга. Мама подарила ему моих брата и сестру, Виталия и Виолетту. Папе Касу она родила меня и брата — Константина. Мы двойняшки, как и старшие, брат с сестрой. Мы младше на пять лет — не такая большая разница, и мы росли дружными детьми. Дружно чудили. И дружно за это получали. Как бы я ни любила сестру, к братьям я тянулась больше — будто между нами была невидимая нить, которая с годами только крепла.

Чем старше мы становились, тем больше была видна разница между мной и Виолеттой. Она выросла потрясающей девушкой — нежной, утончённой, с грацией, которая будто доставалась ей по праву рождения. Вышла замуж за бывшего маминого раба, нага Шинашиса, а чуть позже и за сына нашего портного Михая, Оливера. Родила девочку и ждёт ещё одного малыша — и в её глазах, когда она говорит о семье, светится то тихое счастье, которому я могу только завидовать. Виталий женился на первой дочери королевы. Он не единственный муж, но живут они в любви и счастье. Константин ухаживает за одной из дочерей мадам Ореи Веленской — дело идёт к свадьбе. И только я по-прежнему одна. Мама думает, что я не хочу расставаться с детством. А мне кажется, что всё потому, что я не такая, как все. Я другая, но молчу об этом, чтобы не расстраивать свою семью.

Стала осознавать это ещё в детстве, годам к пяти. Когда нас стали учить пользоваться магией, я поняла, что у меня её нет. Когда мир был на грани гибели и мама пыталась спасти его, богиня уравняла магию всех существ. Все владеют разной магией, но по силе все равны. И только во мне её нет ни капли — будто кто-то забыл вложить в меня ту искру, что есть у каждого, будто при рождении мне выдали всё, кроме самого важного. Сначала боялась говорить — думала, что меня бросят, отвернутся, перестанут любить. Повзрослев, поняла, что такого не произойдёт, но всё равно молчала, чтобы не волновать. Будучи ещё ребёнком, заявила, что ма-

гия мне не нужна и я буду как мама. Она выросла в безмагическом мире и так и не привыкла ей пользоваться, предпочитала всё делать руками. Я стала делать вид, что подражаю ей. Хотя на уроках прилежно училась и всё запоминала — только повторить не могла. Напирать никто не стал. Приняли моё желание и не трогали.

Пришлось искать другие пути защиты. Так начала тренироваться в рукопашном и с применением оружия бою. Папа Кас вызвался тренировать меня лично — он тоже из бывших рабов, и в его движениях, в том, как он держал меч, чувствовалась та особая, выношенная хватка человека, для которого бой когда-то был единственным способом выжить. Вначале всё было хорошо. Ровно до того момента, как я не подначила на спарринг Костю. Через пять минут стало понятно, что он владеет искусством боя гораздо лучше меня — и это было как удар под дых, не физический, а тот, что бьёт по гордости, разливаясь внутри жгучей, нестерпимой обидой. Закатила папе истерику. Он пытался убедить меня, что не выдержу равную с мужчинами нагрузку. Я убеждала в обратном, и он сдался — не потому, что поверил, а потому, что увидел в моих глазах то, что узнал бы любой, кто когда-либо смотрел в лицо упрямства, граничащего с отчаянием. Тогда я поклялась себе, что стану лучшей, даже среди мужчин.

Первые месяцы были тяжёлыми — тело ломило, мышцы горели, кости будто наливались свинцом. Отжималась, подтягивалась, качала пресс и бегала до полного изнеможения.

Когда сил почти не оставалось, сцепляла зубы и продолжала до тех пор, пока не падала без сил, а иногда и без сознания — и мир темнел, проваливаясь в густую, тяжёлую тишину, будто накрывавшую меня тёплым, безжалостным одеялом. Папа брал меня на руки и уносил в кровать — и в его молчании, в том, как он осторожно укладывал меня, поправляя одеяло, было столько тихой, невысказанной тревоги, что становилось стыдно. Но утром я снова вставала и шла тренироваться. Так повторялось день за днём. Все пытались меня отговорить, только я была непреклонной. Спустя время стало легче: появилась выносливость и мышечная масса. Конечно, до мужчин мне было далеко из-за физиологии — но по навыкам, выносливости и силе духа я была с ними на равных.

Чем взрослее я становилась, тем больше мужчин побеждала в спаррингах — и каждый раз, когда очередной противник касался пола, во мне вспыхивала мрачная, тёмная радость, будто каждое падение чужого тела было доказательством того, что я имею право быть. Ещё подбила Вольта научить меня метать ножи — холодная сталь, выскальзывающая из пальцев, тихий свист в воздухе и глухой звук, с которым лезвие входит в мишень, стали для меня чем-то вроде медитации, единственного момента, когда мысли замолкали. Как всегда своей упертостью взяла верх — сначала в уговорах, потом и в занятиях. И вот стою перед зеркалом в свои двадцать, я лучший боец, подготовленный к войне. Которой нет, и надеюсь, никогда не будет. Я даже себе не могу

ответить, зачем мне это было нужно, но упорно продолжаю тренироваться каждый день до изнеможения — будто кто-то сказал мне однажды, что если я остановлюсь, то исчезну.

— Давай сходим на рынок? Купишь себе что-нибудь, — предлагает мама, как только я спускаюсь в гостиную. Её голос мягкий, тёплый, пропитанный той особой, ненавязчивой заботой, которая умеет обволакивать, словно тёплый плед, но иногда — душить.

— Зачем? — спрашиваю, садясь рядом и обнимая её. От неё пахнет чем-то домашним — травами, свежим хлебом, и от этого запаха внутри становится одновременно тепло и тоскливо.

— Хочу, чтоб ты купила что-нибудь красивое. Хватит уже бегать и драться с парнями, пора начать влюблять их в себя, — и в этих словах столько надежды, столько тихой, материнской веры в то, что всё ещё устроится, что мне хочется одновременно рассмеяться и заплакать.

— Мне никто не нравится, — отвечаю, и голос звучит ровно, но за этой ровностью — целая пропасть, которую я не готова показывать.

— В мире столько мужчин, кто-нибудь обязательно понравится, — улыбается мама и гладит меня по голове. Её рука тёплая, лёгкая, и от этого прикосновения внутри что-то ноет — тупо, тихо, как ноет старая рана в непогоду.

Снимает с шеи шнурок с деревянным сердечком и надевает на мою. Я удивляюсь — ему не знаю сколько лет, дерево

потемнело от времени, от прикосновений, от тепла маминой кожи, и от него пахнет чем-то неуловимым, что нельзя передать словами — не духи, не дерево, а что-то вроде самой сути мамы, её тепла, её силы, её тихой, несломленной веры в добро. Ей подарил его один из бывших рабов, когда-то она спасла его от смерти. Мама никогда не снимала этот подарок — и вот теперь так просто отдаёт его мне.

— Хочу подарить его тебе. Оно будет тебе талисманом на счастье, — говорит, и в её голосе дрожит что-то, чего она пытается не показать.

— Надеюсь, это сердце поможет тебе найти свою любовь.

— Мне пока и одной не плохо, — отвечаю и ухожу на улицу. Просто сбегаю от очередного разговора. Не переношу их. Мозгами понимаю, что мама права, но душа противится. Я и сама украдкой разглядываю парней и мужчин: дома, в городе и везде, где бываю. Только ни один не отозвался в душе и каплей тепла или чего-то ещё. Такое впечатление, что во мне не только магии нет ни капли, но и умения любить. Я вижу, как на меня смотрят мужчины, даже когда я в мужской одежде. Многие хотели бы завязать со мной отношения — но во мне ничего не ёкает, сердце молчит, будто его и нет вовсе, будто вместо него в груди — холодный, пустой камень.

Пробегаю круг за кругом по спортивной площадке и думаю. Ветер бьёт в лицо, выдыхает из лёгких последние мысли, оставляя только ритм шагов, мерный, как удары сердца. Только ответов не находится. Может, я правда другая? Не та-

кая, как все, и никогда не стану обычной. Может, моя участь — это вечное одиночество? Настолько погрузилась в свои печальные мысли, что не заметила, как загнала себя до изнеможения одним только бегом. Ноги стали ватными, мир поплыл, теряя очертания, словно кто-то медленно размывал краски на холсте. Силы кончились, и я рухнула на беговой дорожке — песок и пыль въелись в ладони, воздух рвался в грудь, но его не хватало, будто кто-то выкачал из мира весь кислород. Пытаюсь отдышаться — не получается, и темнота, мягкая, почти ласковая, накрывает меня, забирая в тишину, где нет ни вопросов, ни ответов, ни боли.

ГЛАВА 2

Прихожу в себя в своей любимой кроватке — мягкой, знакомой до каждой ниточки, пахнущей домом и спокойствием. Потянулась, выгибая спину, и на миг закрыла глаза, позволяя себе поверить, что всё, что было до этого — изнуряющая тренировка, тяжёлые мысли, падение на беговой дорожке — просто дурной сон. «Красота-аа», — выдохнула я, и этот тихий, почти детский восторг на секунду прогнал всю усталость. Наверное, папа Кас в который раз принёс меня в мою комнату — его шаги я узнаю даже сквозь туман беспамятства, тяжёлые, уверенные, но удивительно осторожные, когда он несёт меня. Потом будет ворчать, что не берегу себя, изматываю до потери сил и сознания, — и в этом вор-

чании будет столько скрытой тревоги, столько любви, что я только закачу глаза и сделаю вид, будто мне всё равно.

Подтягиваюсь на локтях и облокачиваюсь на изголовье кровати, принимая сидячее положение. И тут же замечаю незнакомую девушку в кресле у кофейного столика. Она сидит так непринуждённо, будто это её комната, а не моя, будто она каждый день приходит сюда, чтобы выпить чашку кофе и подождать, пока я проснусь.

— Ты кто? — спрашиваю резко, и голос звучит чуть хрипло — то ли от усталости, то ли от внезапного напряжения, которое мгновенно стянуло плечи тугой пружиной.

Она отрывается от изучения кружки — будто в узоре на фарфоре скрыто что-то важное — и переводит взгляд на меня. В её глазах пляшут искорки, а улыбка лёгкая, почти невесомая, будто сотканная из солнечного света.

— Уже очнулась. Я рада, — парирует своим чарующим голоском, игнорируя мой вопрос. И от этой спокойной уверенности, от этой небрежной радости мне становится не по себе.

Симпатичная, где-то я её уже видела. Только не могу вспомнить где — будто образ мелькнул на краю памяти и тут же растворился, оставив после себя лишь смутное чувство узнавания.

— Что ты делаешь в моей комнате без моего разрешения, ещё и пока я отдыхаю? — предпринимаю ещё одну попытку узнать, кто она, и в голосе уже звенит металл — тот самый,

что появляется, когда я готова защищаться.

— Это не совсем твоя комната, — отвечает с лёгкой улыбкой, совершенно не обидевшись на мои резкие слова. — Это созданная мной иллюзия. Не хотела тебя сразу пугать.

Она щёлкнула пальцами — и мир вокруг рассыпался, как мозаика из стекла, чтобы тут же собраться заново. Мы оказались в плетёных креслах на берегу озера. Вода была такой прозрачной, что казалось, будто под ней нет дна, а только бесконечная синева, отражающая небо. Вокруг нас — прекрасная природа: стройные деревья тянулись к солнцу, их листья шелестели на ветру, словно шептали друг другу тайны. Чистое небо раскинулось над головой, без единого облачка, а воздух был свежим, напоённым ароматами трав и цветов — таким, каким бывает только ранним утром, когда мир ещё спит и не успел наполниться шумом и суетой.

Даже красота окружающей нас природы не помогла — я напряглась, готовая в любой момент дать отпор. Рука сама потянулась к поясу, где обычно висел кинжал, но его не было — и от этого ощущения уязвимости внутри всё сжалось.

— Это место мне нравится больше, — продолжает говорить девушка, как ни в чём не бывало. — Не пугайся. Я не собираюсь тебя обижать.

— Зато я могу тебя обидеть, — начинаю заводиться, и голос становится жёстче, злее. — Если ты сейчас же не объяснишь, что происходит, или не вернёшь меня обратно домой, — голос звучит угрожающе, а эта дамочка начинает смеять-

ся в голос — звонко, искренне, будто я сказала что-то невероятно смешное. Теряюсь на мгновение, и эта растерянность обжигает, как крапива.

— Ты меня знатно повеселила, — ответила она, отсмеявшись, а я злюсь ещё сильнее — злость накатывает горячей волной, смывая остатки сонливости.

— Неужели не узнаёшь меня? — спрашивает она, склонив голову набок, и в её взгляде мелькает что-то тёплое, почти материнское.

Мотаю отрицательно головой.

— Я Азазель, богиня вашего мира, — произносит она спокойно, будто это самая обычная вещь на свете — представиться как богиня.

— Я что, умерла?! — подскакиваю с кресла, и земля под ногами кажется зыбкой, будто я стою на краю обрыва. — Не могла же я себя загонять до смерти? Или могла? — смотрю на богиню, забывая о злости в один момент, и в груди всё сжимается от внезапного, ледяного страха.

— Нет. Ты без сознания, — её спокойствие бесит — оно такое ровное, такое непробиваемое, будто она смотрит на меня сквозь толстое стекло, не чувствуя ни моего страха, ни моей паники.

— Фух, — выдыхаю и сажусь на место, и только теперь понимаю, как дрожат руки. — Чем же тогда, позвольте поинтересоваться, я заслужила ваше внимание? — язвлю, пытаясь спрятать за колкостью свою растерянность.

— Хочу попросить тебя о небольшом одолжении, — показывает двумя пальцами небольшое расстояние, демонстрируя наглядно величину одолжения. И от этого жеста, от этой нарочитой лёгкости мне хочется рассмеяться — или закричать.

— Меня? — удивляюсь вполне искренне. — Что я могу сделать? Может, к маме обратитесь? У неё большой опыт и в общении с вами, и в помощи, и в просьбах, — пытаюсь аккуратно перекинуть божественные просьбы на кого-то другого, более сведущего в таких делах.

— Эм уже сделала всё, что могла, — отметает моё предложение, и в её голосе нет ни упрёка, ни осуждения — только спокойная констатация факта.

— Может, тогда Виолетта? Она старше и опытнее. Да и в отличие от меня магией обладает, — предпринимаю ещё одну попытку отвертеться. Ну не хочу я участвовать в сомнительных делах, не хочу быть чьей-то надеждой, чьим-то спасением.

— Виолетта уже сделала то, что от неё требовалось, — снова не получилось.

— Это что же? — стало очень интересно. Ви всегда жила в своё удовольствие. Не замечала за ней выполнения особых миссий.

— Она полюбила Шинашиса. В вашем мире у него не было шанса на счастье. В мире, где столько прекрасных мужчин, рассчитывать на любовь с его лицом не было возмож-

ности. Но Виолетта полюбила его и даже подарила ребёнка. Это дорогого стоит, хоть ты с этим и не согласна, — попадает в точку последними словами, и от этого точного попадания внутри всё сжимается — стыдно и горько одновременно.

— Вы что, мысли мои читаете? — изумилась, и в этом изумлении было столько детской обиды, что мне снова захотелось спрятаться под одеяло.

— Да. Я же богиня, — спокойно призналась Азазель. — Тем более Виолетте не под силу то, что нужно сделать, а ты справишься. Магия тебе и не понадобится. По этой причине у тебя её и нет, — уверенно заявляет Азазель, и каждое её слово ложится на плечи тяжёлым грузом.

— Это вы сделали специально?! — я была удивлена и зла одновременно — злость смешивалась с обидой, с ощущением, что меня лишили чего-то важного, даже не спросив.

— Да. Мне нужна помощь в моём втором мире. Там нет магии. Пока я восстанавливала ваш мир, тот вышел из-под контроля. Пять лет назад там началась война, — её голос звучал ровно, но в нём проскальзывала тень усталости — той самой, что приходит, когда ты слишком долго несёшь на себе тяжесть целого мира.

— Подождите. Какие пять лет? — прерываю её. — У меня нет магии с самого рождения. Как вы могли знать тогда, что я вам понадоблюсь?

— В мирах время течёт по-разному. В вашем прошло двадцать пять лет, а там всего пять, — объяснила богиня, и от

этой разницы во времени, от этого понимания, что где-то жизнь течёт совсем иначе, у меня закружилась голова.

— И что вы от меня хотите? — поинтересовалась с опаской, и голос прозвучал тише, чем я хотела — будто я уже смирилась с тем, что выбора у меня нет.

— Ты должна остановить войну. Пока ещё не всё так серьёзно, но не хочу… — она замолчала, и в этой тишине было столько невысказанного, столько боли, что мне вдруг стало жаль её — богиню, которая устала нести на себе тяжесть миров.

— Остановить войну? Как? — спросила, вновь перебив, пребывая в шоке. «Вот это небольшое одолжение? Большое тогда какое? Спасти вселенную. Она вообще в своём уме?» — распалялась про себя, и мысли неслись бешеным потоком, сталкиваясь друг с другом, как волны в шторм.

— Я в своём уме, — прервала она мои мысли, и от этого спокойного вторжения в голову мне стало не по себе — будто кто-то прошёл по моим самым сокровенным тайнам, не снимая обуви.

«Блииин, она же мысли может читать», — даю себе мысленно подзатыльник и стараюсь контролировать свои мысли — но это всё равно что пытаться удержать воду в ладонях: она всё равно просачивается сквозь пальцы.

— А почему вы сами не можете повлиять на тот мир? — не теряю надежду отвертеться, цепляюсь за любую возможность не становиться чьей-то последней надеждой.

— Не хочу терять много сил. Каждое прямое вмешательство требует очень много энергии, и, если случится что-то серьёзное, я не смогу помочь, — в её словах была простая, безжалостная логика — логика того, кто слишком хорошо знает цену своим действиям.

— И что смогу сделать я? Если даже богине это обойдётся очень дорого? — складываю руки на груди, будто этим жестом могу защититься от всей той ответственности, которую на меня пытаются взвалить.

— Ты должна объяснить им, что война — это плохо, — звучит странно и… по-детски, будто она верит, что достаточно просто сказать: «Не надо воевать», и все тут же бросят оружие и начнут обниматься.

— Как я это сделаю? Я же… — начинаю возражать, но она снова перебивает.

— Я перемещу тебя в Зазель. На месте ты сможешь найти союзников, как сделала твоя мать, и вместе придумаете, как остановить войну, — в её голосе звучит такая уверенность, будто она уже видит этот путь, уже знает, что всё получится.

— Легче сказать, чем сделать. Те, кто жаждет крови и попробовал её, того трудно убедить отказаться от неё, — ударилась я в философию, пытаясь найти хоть какое-то оправдание своей трусости.

— Я верю в тебя, — говорит она, и от этих слов внутри что-то дрожит — не от гордости, а от тяжести этой веры, от понимания, что кто-то в меня верит, даже когда я сама в себя

не верю.

— Я сама в себя не верю. Как вы можете это делать? — приподнимаю одну бровь, пытаясь сохранить хоть каплю иронии, хоть каплю той привычной бравады, которая всегда помогала мне держаться на плаву.

— Я верю во всех своих детей. Верю, что они могут остановиться и исправиться, — она задумалась, и на мгновение в её глазах мелькнуло что-то такое уязвимое, такое человеческое, что мне захотелось её обнять — как обнимают тех, кто слишком долго нёс на себе непосильную ношу. — Только понять никак не могу. Чего вам всем не хватает? Почему все рвутся к власти и устраивают ради неё геноцид?

— Мне всего хватает, и никуда я не рвусь, и ничего не устраиваю, — сразу обозначила свою позицию. — Верните меня домой, и я буду тихо сидеть в своём поместье, — в этих словах была вся моя мечта — простая, тихая жизнь, где не нужно никого спасать, не нужно быть чьей-то надеждой.

— Я не конкретно про тебя. Большинство существ всегда хотят больше, чем у них есть. И чтоб обрести больше, готовы идти по головам. В Азаиле это была магия и престиж. В Зазелье — территория. Они устроили битву из-за клочка земли. За пять лет погибло довольно много существ. Только останавливаться они не планируют. Что я делаю не так? — смотрит на меня в ожидании ответа, и в этом взгляде столько надежды, столько ожидания, что мне становится стыдно за свою слабость.

— Я не знаю, — открещиваюсь сразу. «Я вообще в мировых проблемах не разбираюсь», — шепчет внутренний голос, и я хочу ему верить.

— Я создала вполне хороший мир и условия жизни в нём. Тёплый мягкий климат круглый год. Территория поделена на четыре равные части. В северной стороне мира — высокие горы и равнина с благодатной почвой и природой для драконов. На вершинах гор погода прохладнее, чем внизу, но для них это хорошо. В горных породах много драгоценных камней, а драконы знают толк в камнях и их применении. В южной стороне — небольшое плоскогорье и много равнины с лесами и полями для демонов. Там можно добывать металл и камень для строительства. На западе горы не высокие, но достаточно широкие, и так же поля и леса для орков. Там тоже можно добывать металл. Они хорошие знатоки в оружии. На востоке — множество лесов и полей для ирлингов. На всех четырёх территориях можно возделывать поля и вести хозяйство, заниматься животноводством. Меняться товарами или продавать их друг другу. В лесах много диких зверей — охоться, не хочу. Все блага жизни. И что в итоге? Они решили, что убивать друг друга интереснее. Радует только одно: не все пошли на это. Демоны хотели больше территории. К драконам и оркам лезть побоялись. Напали на ирлингов. Тем, естественно, пришлось обороняться. Драконы просто наблюдают за ходом войны со стороны, и это удручает, а орки наживаются на продаже оружия. И это неправильно. Вот

как так можно? — печально вздохнув, закончила свой рассказ богиня, и в её печали было столько горечи, столько усталости, что мне захотелось что-то исправить — хоть что-нибудь, хоть самую маленькую часть этого огромного, сломанного мира.

— Вы уверены, что мне под силу закончить эти бесчинства? — «Я вот не уверена в своих силах», — шептало внутри, и этот шёпот был громче любых криков.

— Я очень на это надеюсь. В мире нет магии, и ты там не будешь выделяться. Ты смуглая и можешь сойти за демоницу в человеческом обличье. А в этой своей одежде даже на молодого демона похожа, — осматривает мой наряд, и от этого взгляда мне становится неуютно — будто меня оценивают не как личность, а как подходящий инструмент. — Парнем тебе, наверное, будет проще. Из-за войны мужчин стало меньше. Женщины им проходу не дают, так как на всех уже не хватает. Да и мужчины к девушкам часто пристают, пользуясь своей малой численностью, а те не отказывают. Девушкой ты будешь выделяться, если откажешь мужчине, а я почему-то уверена, что так и будет.

— Вы куда меня хотите закинуть? — возмутилась, и в этом возмущении была вся моя растерянность, весь мой страх перед тем, что меня собираются бросить в чужой, враждебный мир.

— Я же говорю, что баланс мира нарушен, но пока не критично. Раньше всё было по-другому. Хотя демоны всегда бы-

ли более любвеобильны. Ну, ты готова мне помочь? — стала подгонять богиня, и от этой спешки, от этого нетерпения мне хотелось закричать: «Дайте мне хотя бы минуту, чтобы всё осознать!»

«С чего вдруг?» — пронеслось в голове, но вслух я этого не сказала.

— Не думаю, что у меня есть выбор, — сдалась я, и в этих словах было столько смирения, столько признания своей беспомощности, что на мгновение мне стало горько. — А что с моими родными?

— Ничего. У них всё хорошо, — ответила она спокойно, но я тут же покачала головой.

— Я не об этом. Они же будут переживать из-за моего исчезновения, — пояснила, и в голосе прозвучала та самая боль, которую я всегда старалась прятать — боль за тех, кого люблю, за тех, кто будет ждать и надеяться, даже когда надеяться уже не на что.

— Я объясню Эм, что с тобой всё хорошо и расскажу, где ты находишься. Попрошу не сильно переживать за тебя, — в её обещании было столько тепла, столько заботы, что мне стало чуть легче.

— Мама всё равно будет переживать. Ну, хотя бы будет знать, что я жива и здорова, — прошептала я, и эти слова прозвучали как просьба, как мольба о том, чтобы хоть кто-то знал, где я, чтобы хоть кто-то не терял надежду. — А потом я смогу вернуться домой? — вдруг осенило меня, и этот

вопрос был самым важным, самым главным — потому что без этой надежды, без этого обещания возвращения я бы не смогла сделать ни шага.

— Да. Если захочешь, — ответила она мягко, без пафоса, без громких обещаний — просто как факт, как нечто само собой разумеющееся.

— Конечно, захочу, — парирую, не задумываясь, и в этом ответе — вся моя правда, вся моя тоска по дому, по тем, кто ждёт меня, по той простой, привычной жизни, которую я так боялась потерять.

— Тогда я верну тебя, — сказала с улыбкой богиня и прикоснулась к моему лбу. Её пальцы были тёплыми, почти живыми, и в этом прикосновении было столько нежности, что на мгновение я поверила: всё будет хорошо.

Я провалилась в тьму — но не в ту, что пугает, а в ту, что обнимает, как мягкое одеяло, обещая, что впереди ещё будет свет.

ГЛАВА 3

Открываю глаза. Лежу на берегу всё того же озера — но теперь оно будто стало другим: вода потемнела, отражая не ясное небо, а какую-то скрытую, тревожную глубину. Воздух гораздо жарче — густой, тяжёлый, пропитанный запахом нагретых камней и сухой травы. Значит, вот где она место встречи позаимствовала. Огляделась по сторонам — ни ду-

ши. Только тишина, звенящая, как натянутая струна, и тропинка, уходящая в лес, — раньше её не было: она будто прорезала зелень, как след от ножа.

Встала, отряхнула с одежды прилипшие травинки и песок, подняла голову к небу — оно было ослепительно ярким, без единого намёка на облака, будто мир выцвел под безжалостным солнцем.

— Богинюшка, мне бы мой меч, ножи и денег на первое время, а ещё ткань. Как я тут без ничего жить должна, — говорю вполголоса, и собственный голос звучит непривычно тихо на фоне этой оглушающей тишины. — Без еды я умру раньше, чем смогу что-то сделать.

Ответа нет. Вздыхаю и опускаю голову — и тут же замечаю у своих ног свёрток: мой меч в ножнах, мешочек с деньгами и чёрная ткань. Сердце подпрыгивает от неожиданной радости, и на мгновение становится легче — будто даже в этом чужом, незнакомом мире кто-то обо мне помнит.

— Спасибо, — поблагодарила, и слова прозвучали как шёпот, будто я боялась спугнуть эту маленькую удачу.

Умылась в прохладной воде озера — она была ледяной, почти обжигающей, и это помогло стряхнуть остатки оцепенения. Пересобрала хвост, повязала бандану, как говорила мама, — простой жест, который вдруг стал якорем, связывающим меня с домом. Разорвала ткань и перетянула грудь: на парня я, может, и похожа, но при резких движениях или в беге женская фигура всё равно выделялась бы под рубашкой,

выдавая меня с головой. Закончив, оглядела себя в отражении водной глади — рябь искажала черты, но в этом искажении я увидела себя: упрямую, насторожённую, готовую к любым испытаниям.

— Надеюсь, что быстро меня не раскроют, — прошептала, будто сама себе давала обещание.

Меч в ножнах прикрепила на поясе — его тяжесть была привычной, родной, как голос старого друга. Метательные ножи спрятала в голенище сапог — холодный металл приятно холодил кожу, напоминая, что я не беззащитна. Вздохнула, в последний раз бросила взгляд на озеро, словно пытаясь запомнить этот миг тишины, и пошла по тропинке.

В уме прикидывала разницу времени между мирами. В идеале мне надо управиться за месяц. В моём мире пройдёт пять месяцев. Не хочу долго отсутствовать — думаю, буду сильно скучать по родным: по маминым тихим разговорам, по ворчанию папы Каса, по шуму, который мы с братьями и сестрой устраивали, когда собирались все вместе. Эта мысль царапнула изнутри — острая, болезненная, но она же и давала силы идти вперёд.

Тропа вывела к окраине города. Улицы были чистыми, вымощенными камнем, и от этого порядка веяло какой-то холодной, почти бездушной аккуратностью. Дома в основном каменные — серые, строгие, будто вырезанные из одного куска скалы. Деревянных почти не было. Удивляло и то, что нет ни одного дома выше одноэтажного: все здания сте-

лились по земле, широкие, основательные, но без намёка на высоту. Это выглядело странно, почти неестественно — будто город боялся подняться к небу.

Во всём остальном он был похож на мой мир: широкие улицы, множество клумб с яркими, почти кричащими цветами, которые будто пытались разбавить эту каменную серость. Вокруг было много, скорее всего, демонов — все куда-то спешили, двигались целеустремлённо, будто у каждого была своя, очень важная миссия. Мужчины — высокие, широкоплечие, с тяжёлой, уверенной поступью. Девушки — стройные, в росте почти не уступающие мужчинам, с гордой осанкой и взглядом, в котором читалась готовность постоять за себя. Кажется, я в любом случае буду выделяться — а может, и нет.

Увидела, как навстречу мне двигалась группа парней — моего роста, но чуть крупнее по телосложению. Все-таки женскую фигуру с мужской не сравнить, сколько бы я ни тренировалась. Хотя не уверена, что хотела бы быть такой здоровенной. А то захочу влюбиться, а все парни будут от меня шарахаться в разные стороны. Девушка должна быть красивой, а не на шкаф похожей, — мелькнула в голове горькая, почти детская мысль, и я тут же отогнала её, как назойливую муху.

Остановила парней и спросила дорогу до рынка. Если бы они не объяснили, как до него добраться, я бы долго бродила по этим одинаковым улицам, теряясь в лабиринте камен-

ных домов. Рынок отличался от нашего: у нас были открытые тканевые шатры, лёгкие и воздушные, а тут — каменные домики в ряд, строгие и неприступные. В каждом продавали определённые товары, и лишь в начале этой торговой улицы стоял указатель. Я попала на неё в середине и вряд ли бы узнала в этих домиках рынок. На дверях висели маленькие таблички с рисунками — по ним можно было понять, чем торгуют в доме, и эта простота вдруг показалась мне почти уютной.

Зашла в тот, на котором была нарисована мужская одежда. Купила штаны и рубашку — ткань была грубой, но прочной, идеально подходящей для долгих дорог и неожиданных схваток. Со свёртком в руках стала искать, где можно обзавестись сумкой. Пока крутила головой, меня с силой толкнули в сторону — толчок был резким, злым, будто меня хотели не просто сдвинуть, а стереть с дороги. Сделала несколько шагов по инерции, развернулась и посмотрела на того, кто посмел так со мной обойтись.

На том месте, где недавно стояла я, возвышался здоровый демон — высокий, симпатичный, но с лицом, искажённым наглой, самодовольной ухмылкой. Он стоял, расправив плечи, и смотрел на меня так, будто весь мир принадлежал ему, а я была досадной помехой.

— Извиниться не хочешь? — начала я миролюбиво, хотя внутри уже разгорался огонь злости.

— За что? — сложил он мускулистые руки на груди, и в

этом жесте было столько высокомерия, что мне захотелось стереть эту ухмылку с его лица одним ударом.

— За то, что толкнул. Вокруг много свободного места, — повела рукой, очерчивая пространство, которое он мог бы спокойно обойти. — Мог и обойти.

— Я привык ходить там, где хочу. Ты должен был уйти с дороги, — произнёс он так, будто это была непреложная истина, не требующая доказательств.

Вот нахал! Козёл!

— Я никому ничего не должен, — вскидываю подбородок, и в этом движении — вся моя гордость, вся та упрямая сила, которую я закаляла годами тренировок. — Ты не правитель, чтоб тебе дорогу уступать. Учись уважать и других, а не только свою жопу. – Опять перегибаю, но по-другому с такими разговаривать не могу — вежливость они принимают за слабость.

— Что ты сказал, юнец?! — рыкнул амбал, прищурившись так, что его глаза превратились в узкие, опасные щели.

— Если проблемы со слухом, обратись к лекарю, — копирую его позу, складывая руки на груди, и стараюсь, чтобы голос звучал ровно, без дрожи.

Вокруг стал собираться народ — демоны останавливались, перешёптывались, бросали на нас любопытные взгляды. В воздухе повисло напряжение, острое, как лезвие ножа.

— Научись держать язык за зубами, если не хочешь его лишиться, — завуалировал он угрозу, и в этих словах про-

звучала такая холодная, расчётливая жестокость, что по спине пробежал неприятный холодок.

— Силёнок не хватит лишить меня языка, — ухмыляюсь, хотя внутри всё сжимается от напряжения, и вижу, как он багровеет от ярости.

— Спишу твою глупость на юный возраст и прощу на первый раз, — дёрнул злобно щекой, будто пытался сдержать рвущуюся наружу ярость.

— Может, я и глуп, но с возрастом смогу набраться ума, а вот ты, будучи взрослым, так и остался невоспитанным глупцом, — слова срываются с языка быстрее, чем я успеваю их обдумать, и где-то в глубине души мелькает мысль: «Почему я не могу вовремя заткнуться?»

— Если бы мне не надо было спешить, ты бы пожалел о своих словах, — сверкнул он глазами и пошёл дальше, оставив после себя ощущение тяжёлой, давящей угрозы.

— Я бы не был так в этом уверен, — крикнула вдогонку, стараясь, чтобы голос звучал дерзко, а не испуганно, и зашагала дальше, выискивая лавку с сумками и едой.

— Зря ты это, малой, — поравнялся со мной мужчина с сединами — в его глазах читалась усталость, смешанная с искренним беспокойством. — С Димитрисом лучше не связываться. Он на хорошем счету у правителя. Мой тебе совет: хочешь прожить подольше — уезжай как можно скорее из города, пока он занят. У тебя есть пара часов.

— Спасибо за совет, — вежливо ответила, чувствуя, как

внутри всё сжимается от осознания, что я уже нажила себе врага, и этот враг — не простой демон, а кто-то, имеющий вес в городе.

Зашла в лавку с сумками, купила сумку через плечо и немного еды — простые, но необходимые вещи, которые давали хоть какую-то иллюзию контроля над ситуацией. Подумала хорошенько и решила не испытывать судьбу. Надо найти, с кем покинуть город. Да и вообще нужно составить план действий. Где обзавестись союзниками, чтобы остановить войну? Самый лучший вариант — это драконы. Они всегда были мудрыми и сильными — по крайней мере, в моём мире. Здесь тоже не особо должны отличаться. Вопрос только в том, сильнее ли они демонов. Но попробовать стоит. Решено: нужно добраться до драконов.

Пока размышляла, не заметила, как улицы опустели. Остановилась, огляделась — действительно ни одного существа. Куда все подевались? Солнце стояло в зените, до вечера было далеко — тогда куда все исчезли? Бесцельно бродила по улицам, и с каждым шагом становилось всё жутче. В голове мелькали жуткие, мрачные картинки: как все прячутся по домам, потому что сейчас на улицы города нападёт большая стая диких зверей, или случится что-то ещё более страшное. Ускорила шаг, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому едва уловимому звуку, который мог бы выдать опасность.

Пропетляв ещё какое-то время, услышала голоса — тихие, но отчётливые, пробивающиеся сквозь тишину, как луч

света сквозь тёмную завесу. Не задумываясь, бросилась на шум.

Через пару минут вышла к огромной площади — странной, зловеще красивой. Полукругом стояли трибуны, формой напоминающие лестницу, — ряды сидений поднимались вверх, создавая ощущение театра, где главным спектаклем станет чья-то жизнь. На них сидели демоны — много демонов, наверное, весь город или почти весь, и их взгляды были прикованы к центру. В центре была круглая арена с песочным покрытием, метров двадцать пять в диаметре, огороженная столбами, между которыми тянулись канаты — грубые, толстые, будто специально созданные, чтобы удерживать не только людей, но и саму ярость, кипящую вокруг. С противоположной стороны от трибун арена примыкала к зданию — довольно большому по площади, угрюмому, серому и мрачному, словно оно впитало в себя все страхи и страдания, когда-либо происходившие на этой площади.

Предчувствие вопило, что должно произойти что-то нехорошее и надо уходить, но ноги словно приросли к земле. Продолжала стоять и следить за происходящим, чувствуя, как холод медленно ползёт по спине, а сердце бьётся всё быстрее, отсчитывая мгновения до чего-то неизбежного.

ГЛАВА 4

Стою на арене — и время будто замирает, растягиваясь в

тягучую, звенящую паузу. Сжимаю меч двумя руками, и металл, холодный и тяжёлый, кажется единственным якорем в этом безумном, чужом мире. Пальцы белеют от напряжения, костяшки выступают, как маленькие островки в бушующем море тревоги. Думаю: как я вообще умудрилась вляпаться во всё это? Вот кто меня тянул за язык? Стояла бы, молчала, глядишь, и ушла бы здоровой и невредимой. Но тогда это была бы не я. Я всегда за честность и справедливость — даже если эта честность стоит мне спокойствия, а справедливость кажется здесь такой же диковинкой, как снег в разгар лета. И, похоже, только я здесь за честность. Остальным плевать. Всем остальным подавай хлеба и зрелищ — и они пришли за этим, жадно, нетерпеливо, будто голодны не едой, а чужой болью.

Что же случилось, спросите вы? Я вам отвечу.

После грандиозного скандала на рынке с тем самым козлом — ладно, не козлом, пусть будет демоном, — мне посоветовали как можно быстрее и дальше убраться из города. Он тут на хорошем счету у власти, и связываться с ним — всё равно что играть с огнём, стоя по колено в порохе. Я не дура. Взяла быстренько «ноги в руки» и пошла искать попутчиков, с кем можно быстро и недорого уехать. Но… конечно, это пресловутое «женское, но» занесло меня на площадь.

Там, на трибунах, вокруг арены, собралась толпа — плотная, шумная, пульсирующая, как живое существо. Демоны бурно что-то обсуждали, выкрикивали фразы, в которых

слышались ставки и имена, отдавали деньги демонам в чёрных костюмах с масками на лицах. Те ходили вдоль рядов — безликие, холодные, с небольшими мешочками и блокнотами с карандашами в руках. Насколько я смогла понять, они принимали ставки на предстоящий бой. Воздух был густ от напряжения, от запаха пота, металла и чего-то ещё — того особого, горького предвкушения, которое рождается там, где вот-вот прольётся кровь.

«Посмотрела, Ксю? Вот и иди дальше», — уговаривала я себя, и голос внутри звучал почти умоляюще. Но странное, непонятное чувство в груди — то ли зов справедливости, то ли глухая, упрямая жалость — заставляло стоять на месте, будто невидимая рука держала меня за плечо, не давая уйти.

И вот на арену выходит… он. Тот самый «козёл» с рынка. Подошла поближе, всматриваясь, и поняла: точно он. Стоит, красуется, как павлин — только вместо пышного хвоста у него демонический, с острым, как у стрелы, наконечником. И рога на голове — изогнутые, тёмные, будто вырезанные из обсидиана. Вот теперь вылитый козёл. Усмехаюсь про себя — нервная, горькая усмешка, которая тут же тает, едва он убирает всё лишнее и снова становится похож на человека.

Широкий разворот плеч — такой, что кажется, будто он занимает собой половину арены. Под два метра ростом, мышцы бугрятся на груди и руках, перекатываясь под смуглой кожей, как туго натянутые канаты. Одет в высокие сапоги и чёрные кожаные брюки, торс голый — и от этой наро-

читой, показной силы веет чем-то первобытным, безжалостным. Смуглый, с угольно-чёрными волосами, собранными в хвост на затылке. Чёрные глаза иногда отблескивают красным — и от этого мерцания по коже пробегает неприятный, колючий холодок. Брр. Выглядит лет на тридцать, хотя с нашей продолжительностью жизни может оказаться и намного старше — и в этом «намного» прячется что-то пугающее, древнее.

Когда он закончил красоваться, вывели парня. Именно вывели — под руки, два демона, и встали позади, как стражи, неподвижные, тяжёлые, словно отлитые из камня. Парень отличался от демона: кожа светлая, на голову ниже ростом. На нём высокие сапоги и потрёпанные серые штаны, которые когда-то, наверное, были аккуратными, а теперь висели мешковато, подчёркивая худобу и усталость. Растрёпанные короткие волосы цвета шоколада падали на лоб, скрывая часть лица. В руках он держал меч — не как оружие, а как опору, будто без него не смог бы стоять.

Стоял с гордо поднятой головой — и эта гордость была самым пронзительным в его облике. Но из-за множественных синяков, кровоподтёков и ран было понятно, что гордая поза даётся ему с трудом, что каждое движение отзывается болью, каждый вдох — маленькой победой. Губы разбиты, на лице тоже синяки — тёмные, лиловые, уже начавшие желтеть по краям. С трудом просматривается, что парень довольно симпатичный: и плечи широкие, и мышцы есть — но избитый,

осунувшийся вид ясно даёт понять, что победителем в бою ему не быть. И от этого понимания внутри всё сжимается — не от страха, а от острой, почти физической боли за чужую несправедливость.

— Бой будет длиться до последнего вздоха одного из противников! — объявил ведущий, и его голос, усиленный магией или каким-то хитрым приспособлением, раскатился над площадью, как удар грома.

Я вздрогнула, отвлекаясь от разглядывания избитого парня — и в этот миг шум толпы будто схлынул, оставив лишь тонкую, звенящую тишину, в которой билось моё сердце, тяжёлое и быстрое, как у загнанного зверя. Песок под ногами казался чужим, колючим, будто каждая песчинка впивалась в подошвы сапог, напоминая: ты здесь чужая, и этот бой — не твоя битва.

— Осталось ещё несколько минут, чтобы сделать ставки на победу демона Димитриса или ирлинга! — продолжал распалять толпу ведущий, с пренебрежением выплюнув последнее слово, словно оно было горьким, неприятным на вкус. По рядам прокатился смешок, жадный, предвкушающий, и от этого звука внутри всё сжалось в тугой, болезненный узел.

— Этот бой будет самым смешным и ничтожным из всех, что я когда-либо видел! — влезла я, громко высказавшись, чтобы как можно больше народа услышали мои слова. Голос прозвучал резче, чем я хотела — звонко, почти отчаянно, будто я пыталась заглушить собственный страх. При этом я сверлила взглядом демона-«козла», и в этом взгляде была

вся моя злость, вся накопившаяся несправедливость, которая требовала выхода. — Вы ещё хуже, чем я о вас подумал, впервые увидев. В вас нет ни грамма гордости и достоинства! — с вызовом бросила я, и каждое слово падало в тишину, как камень в спокойную воду, вызывая круги возмущения.

«Да что же тебе неймётся, Ксю? Ты решила, что сегодня самый подходящий день для смерти?» — ругала я себя в душе, и эта внутренняя ругань была почти осязаемой, острой, как лезвие, но я уже не могла остановиться — слова неслись вперёд, обгоняя здравый смысл.

— Как ты смеешь, мальчишка?! — взревел Димитрис, подаваясь в мою сторону так резко, что песок взметнулся у его ног, словно сама земля отшатнулась от этой волны ярости. — Опять ты?!

— Всего лишь озвучиваю правду, — вздёрнула повыше подбородок, стараясь, чтобы поза выглядела уверенной, а не отчаянной. — Тот парень, — махнула в сторону избитого ирлинга, и на мгновение наши взгляды встретились — в его глазах мелькнуло что-то горькое, почти презрительное, будто он считал мою попытку помочь унизительной. Вот и помогай после этого существам. — Еле держится на ногах. Ему лекарь нужен. В таком виде он продержится не больше пары минут. — Я говорила быстро, рублеными фразами, будто пыталась убедить не только толпу, но и саму себя. — И так понятно, чем закончится этот поединок. Вашей победой, — продолжала, смотря прямо на демона, и в этом прямом

взгляде была вся моя упрямая, глупая храбрость. — Ты настолько немощный, что дерёшься с больными? — перешла на «ты», чтобы посильнее зацепить, чтобы в этой грубости спрятать свою уязвимость. — Или нет подходящих по силе противников?

— Я могу сразиться с любым здесь присутствующим! — рычал в негодовании Димитрис, и его голос раскатывался над ареной, заставляя дрожать даже воздух. — Есть желающие? Прошу на ринг! — махнул мечом на место рядом с собой, и клинок сверкнул на солнце, как вспышка молнии.

В секунду наступила звенящая тишина. Казалось, даже ветер замер, боясь нарушить эту хрупкую, напряжённую паузу. Все будто перестали дышать, и в этой тишине слышался только тихий, сухой шорох песка, перекатывающегося под порывами ветра. Я обвела взглядом трибуны — лица были напряжёнными, глаза — насторожёнными, и ни в одном из них не было желания спуститься на арену. Желающих не нашлось.

— Если вокруг одни трусы, быть может, я буду твоим противником? — выдвинула предложение, и слова прозвучали как приговор, как шаг в пропасть. Мысленно я уже давала себе подзатыльник, но вслух не могла отступить — гордость, упрямство, какая-то глухая, отчаянная решимость не позволяли сделать шаг назад.

— Ты? — усмехнулся Димитрис, и в его усмешке было столько высокомерия, столько уверенности в собственной

силе, что на мгновение мне стало по-настоящему страшно.
— Ты слишком хил и молод. Ты и тридцати секунд не продержишься.

— Это ещё не проверено, — продолжала нарываться, хотя здравый смысл уже кричал, что пора бежать, и бежать как можно дальше. — И, по крайней мере, я абсолютно здоров.

— Чтоб все считали меня ничтожеством? По твоим же словам. Даже у ирлинга больше шансов победить, — продолжал посмеиваться надо мной он, и от этой насмешки внутри всё кипело, требуя ответа, действия, борьбы.

Была, не была. Идём ва-банк.

— Боишься позорного проигрыша мальчишке? — ухмыляюсь в ответ, и эта ухмылка — моя броня, единственное, что удерживает меня от того, чтобы не развернуться и не сбежать.

Его весёлость пропадает мгновенно, как гаснет пламя от резкого порыва ветра. Глаза наливаются кровью, и в них вспыхивает такая ярость, что по коже пробегает мороз, колючий и безжалостный.

— Я давал тебе шанс, но ты сам напросился, — холодно звучит его голос, и от этой ледяной уверенности становится страшнее, чем от крика. — Поднимайся!!! — ревёт так громко, что даже песок под ногами вибрирует, отзываясь на этот первобытный, звериный рык. Мороз бежит по коже, и каждый волосок встаёт дыбом.

Запрыгиваю на арену — движение получается резким, по-

чти отчаянным, и песок взлетает облачком, оседая на сапогах, на штанах, на коже, будто пытаясь удержать, не пустить вперёд. Встаю напротив Димитриса, вынимая меч из ножен. Металл поёт тихим, едва уловимым звуком, и этот звук — единственный знакомый, родной в этом чужом, враждебном мире.

— По каким правилам будет проходить бой? — спрашиваю, оттягивая время, цепляясь за любые слова, лишь бы ещё на мгновение отсрочить неизбежное. В голове мелькает мысль: «Осознаю, что мой язык в очередной раз привёл меня к проблемам», — и эта мысль горькая, как пепел.

— Сделаю тебе подарок и поменяю правила, — произнёс он, и в этих словах не было доброты — только холодный расчёт, игра, в которой он всё ещё чувствовал себя хозяином положения. — Не хочу быть виновным в смерти глупого мальчишки. Бой будет длиться двадцать минут. Выиграет тот, на чьём теле будет меньше ранений. И в качестве награды победитель заберёт ирлинга.

— И что с ним можно будет потом делать? — уточнила я, хотя и не было в этом смысла — ответ я уже знала, чувствовала его тяжесть, как тяжёлый камень на груди. В то же время я тихо выдыхала от облегчения: не придётся убивать. Никогда этого ещё не делала и не уверена, что смогу, глядя в глаза, убить существо, даже такое мерзкое, как этот демон.

— Ты всё же надеешься победить? — с усмешкой спросил он и тут же ответил на мой вопрос: — Он будет законным

трофеем. Так что можно делать с ним всё, что душа пожелает. Даже убить, — на последних словах демон кровожадно посмотрел на ирлинга, и от этого взгляда, от этой спокойной, уверенной жестокости мне стало не по себе — будто мир вдруг сдвинулся, открывая свою тёмную, неприглядную сторону.

Странно всё это. Рабства нет, а существо считается твоим. Как так? Он ведь может уйти, если не будет охраны. Что мне его к себе привязывать? В голове крутились обрывки мыслей, нелепых, беспомощных, но я продолжала стоять, не опуская меча.

— Хорошо. Заберу его с собой, — киваю для убедительности, и мой голос звучит твёрже, чем я чувствую себя на самом деле.

— Ты забавный малый, — впервые он улыбнулся по-настоящему, и эта улыбка была не доброй, а хищной, предвкушающей. — Может, изменим награду, и трофеев будет два? И проигравший тоже достанется победителю? Ты бы развлекал меня дома по вечерам.

— Нет. Тебя я с собой не возьму. С твоим характером ты доставишь мне кучу проблем. А у меня своих хватает. Мне и одного ирлинга хватит, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, будто мы обсуждаем покупку мешка зерна, а не чью-то судьбу.

Демон громко заржал — звук был грубым, раскатистым, и от него по трибунам прокатилась волна ответных смеш-

ков, будто толпа наконец-то выдохнула, сбросив напряжение в этом резком, громком звуке. Отсмеявшись, он ответил:

— Хорошая шутка. Ладно, я понял, что не желаешь быть слугой. Что ж, тогда оставим всё как есть, и пора начинать, — мы отступили друг от друга на два шага, и пространство между нами стало пустым, звенящим, наполненным ожиданием.

И тут грянул горн — его звук был низким, тяжёлым, словно предвещал не начало боя, а начало чего-то большего, чего-то, что навсегда изменит этот день, эту арену, а может, и меня саму.

ГЛАВА 5

Не успела я сделать и вдоха, как демон пошёл в атаку — резко, без предупреждения, будто сама ярость обрела форму и ринулась вперёд. Лезвие его меча рассекло воздух с хищным свистом, и я ушла из-под удара скользящим движением вниз, проскользнув за его спину, словно тень, растворившаяся в полумраке. Нанесла касательный удар — кончиком меча едва зацепила лопатку. Всего лишь царапина, тонкая, как след от когтя кошки, но этого вполне хватило, чтоб счёт стал один-ноль в мою пользу.

Димитрис знатно разозлился — ярость вспыхнула в нём, как пламя, охватившее сухую траву. Он стал атаковать беспрерывно, с удвоенной силой, и каждый его удар нёс в себе

столько мощи, что, казалось, сам воздух стонал под тяжестью стали. Я успевала только отражать нападения — на ответные выпады времени не было. Крутилась по арене, как змея, то припадая вниз, почти сливаясь с песком, то отскакивая в сторону, будто ветер гнал меня из одного угла в другой. Наше оружие скрещивалось снова и снова, и каждый раз по округе разносился жуткий скрежет металла — резкий, пронзительный, словно стон раненого зверя.

Я отбивалась уже из последних сил, а ярость демона только нарастала, питаясь, казалось, самой усталостью противника. Не знаю, сколько прошло времени — по внутренним ощущениям, пара часов точно, хотя, возможно, это время просто растянулось от напряжения, как туго натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть. Казалось, правила уже не действуют, и скоро моя жизнь закончится на этой арене, среди песка и крови. Все мышцы ныли от перенапряжения, руки плохо слушались — пальцы будто одеревенели, и хватка становилась слабее с каждым мгновением. Отбиваться становилось всё труднее.

Димитрис размахивал мечом с такой силой, что, попадись моя голова на пути, она слетела бы в тот же миг, как сухой лист под ударом топора. Не успела отразить одну атаку, как последовала новая. Лезвия снова схлестнулись, и круговым движением я оттолкнула его, случайно царапнув по предплечью. Глаза демона налились кровью — не буквально, но в них пылала такая ярость, что казалось, будто в зрачках разго-

рается адское пламя. Он размахнулся и сильнейшим ударом вышиб оружие из моих рук. Меч отлетел в сторону, звякнув о песок, а я, в попытке уклониться, упала на спину.

Время словно замедлилось — эти мгновения растянулись в вечность. Я видела, как демон перехватывает свой меч и направляет его вертикально, прямо мне в голову, — движение было плавным, смертоносным, отточенным годами битв. Перекатываюсь вбок, вскакиваю на ноги и бегу к краю арены. Первая и единственная мысль — бежать как можно дальше от этого взбешённого существа. Вижу стражей по периметру арены — неподвижных, тяжёлых, словно высеченных из камня, — и понимаю: живой мне не уйти. Останавливаюсь у края и резко разворачиваюсь.

Димитрис быстро шагает в мою сторону, держа в каждой руке по мечу — прихватил и мой. Будет смешно умереть от собственного оружия, подумала я с какой-то странной, горькой иронией. Расстояние между нами стремительно сокращалось, и с каждым его шагом воздух будто становился тяжелее, гуще, словно сам мир сжимался вокруг нас. Когда оставалось всего пара шагов, демон замахнулся сразу двумя руками — движение было настолько мощным, что даже ветер, казалось, отшатнулся.

Я, недолго думая, с разворота в прыжке, с ноги ударила ему в голову. Этот приём, да и многие другие, показала мама моим отцам — в нашем мире так не дерутся, и, судя по ошарашенному виду демона, в этом мире тоже. По инерции

он сделал два шага назад и тряхнул головой, приходя в себя, будто пытался стряхнуть с себя нелепость происходящего. Я встала в стойку, готовая к рукопашному бою — так просто не сдамся, буду биться до последнего вздоха.

Его руки взлетели вверх, готовые перекрестным движением лишить меня головы. Я была готова уйти вниз и использовать самый гадкий приём против мужчины — других вариантов остановить его демон мне не оставил. И снова время замедлилось, словно кто-то налил в него густой, тягучий мёд. Руки Димитриса с мечами сорвались к моей голове — движение было молниеносным, смертоносным. Я ушла вниз, готовясь нанести удар в пах кулаком, и в этот самый момент прозвучал горн — низкий, тяжёлый звук, который разорвал напряжённую тишину, как удар молнии разрывает небо.

Быстро перегруппировалась и рыбкой проскользнула между его ног, оказываясь за его спиной. Он развернулся, но остался на месте — ярость боролась в нём с чем-то ещё, возможно, с гордостью, с собственным словом. Я выпрямилась и тоже повернулась к нему лицом. Его грудь высоко вздымалась, в глазах пылала ярость, а по лицу было видно, что он борется с противоречивыми чувствами: с одной стороны, хотел убить, чтобы смыть позор — ведь его победил мальчишка (а он ещё не знал, что я девчонка), с другой — демон, похоже, был человеком слова и не мог нарушить правила, которые сам же и установил.

Я тоже тяжело дышала, стараясь не терять бдительность

— кто знает, что победит в демоне: принципы или жажда мести? К нам спешил ведущий, и, заметив его, Димитрис отошёл на пару шагов в сторону. Теперь можно было выдохнуть — хотя бы на мгновение.

— Это был поистине уникальный бой! — начал вдохновенно ведущий, и его голос, усиленный магией, раскатился над площадью. — В неравном бою невиданным чудом всё же удалось победить юному демону… — он посмотрел на меня, ожидая имени.

— Кс… — сделала вид, что откашливаюсь. — Кас. Моё имя Кас, — озвучила имя отца — оно первым пришло мне в голову. — И хочу заметить, что бой был равный, — попыталась сгладить ситуацию, уменьшить ярость демона. — Я хорошо подготовлен. Если бы не был уверен в победе, то никогда бы не бросил вызов. Я не дурак, чтобы умереть в столь юном возрасте, — произнесла громко и уверенно, и голос прозвучал твёрже, чем я себя чувствовала.

— Похвально, — вновь взял слово ведущий. Димитрис уже более спокойно, но пристально меня оглядывал, а затем вернул мне моё оружие — движение было резким, почти небрежным, но в нём чувствовалась какая-то странная, сдержанная честь. — Что ж, правила были оговорены. За победу молодой демон — Кас — получает ирлинга в качестве трофея.

Закончив свою пламенную речь, он подал знак стражам, чтобы привели ирлинга. Арена разразилась нестройными и

негромкими аплодисментами — наверное, зрители не могли определиться: то ли рукоплескать мне, то ли не злить ещё больше Димитриса. Мне было плевать — я спасла жизнь существу, осталась в живых сама, и всё, чего мне хотелось, — убраться отсюда побыстрее.

Смотрела на ирлинга — оружия в его руках уже давно не было, они были крепко связаны, а лицо было каменным, с полностью отсутствующим взглядом, будто он уже попрощался с жизнью и теперь просто ждал финала.

— Пошли, — произнесла тихо, обращаясь к парню, и подтолкнула его к краю арены. Он перевёл на меня взгляд — уже более осмысленный, и в нём мелькнуло удивление, будто он не верил, что этот хаос действительно закончился и он всё ещё жив.

Спрыгнула с арены, подобрала сумку и подтолкнула парня в спину, чтобы ускорился. На удивление, он повиновался и пошёл быстрее. Последний раз оглянулась назад — увидела, как Димитрис о чём-то разговаривает с ведущим, и их фигуры на фоне арены казались тёмными силуэтами, вырезанными из сумерек. Как только мы скрылись за поворотом, схватила ирлинга за предплечье и буквально потащила за собой.

— Пошли быстрее. Пока они заняты, нам надо убраться из города, — голос звучал резко, почти отчаянно.

Мы почти бежали, петляя между улицами, и город вокруг казался лабиринтом, где каждый поворот мог стать ловушкой. Вскоре наткнулись на таверну — её вывеска скрипела

на ветру, а тёплый свет из окон манил, как маяк в штормовую ночь. Зашли внутрь, и я попросила парня подождать у двери, а сама направилась к стойке, мысленно взывая к богине, чтобы в моём кошельке хватило денег на скакунов. Не хотелось бы сдохнуть в ближайшей подворотне.

— Здравствуйте, — попыталась быть вежливой, хотя внутри всё дрожало от напряжения. — Не подскажете, где я могу приобрести двух резвых скакунов? Хотелось бы побыстрей покинуть город.

— А что так? — недоверчиво спросил хозяин таверны, косясь на ирлинга. Мужчина в возрасте, с проседью и бородой, наверное, считал, что я помогаю пленному сбежать — и это была проблема.

— Я сегодня выиграл трофей в честном бою с Димитрисом, — пояснила, стараясь говорить как можно более презрительно в сторону парня — пусть думает, что я обычный жестокий победитель. — Вот и хочу покинуть город. Димитрис был не очень доволен своим поражением. Не хотелось бы быть убитым в ближайшем переулке.

В этот момент резко открылась задняя дверь, и я напряглась, готовая в любой момент выхватить меч.

— Там такое было! — возбуждённо тараторил молодой парнишка. — Там… — он осекся, заметив меня.

— И что же было? — с ухмылкой поинтересовался хозяин таверны, потирая бородку и переводя взгляд с парнишки на меня.

— Этот парень выиграл бой с Димитрисом, — уже более спокойно пояснил парнишка, и в его голосе слышалось восхищение, смешанное с недоверием.

— Да-а, — протянул мужик, и в этом «да-а» было столько уважения, сколько я не слышала за всю свою жизнь. — Десять золотых, и два жеребца твои, — обратился он уже ко мне.

Отсчитала нужную сумму, мысленно поблагодарила богиню, что денег хватило, и положила монеты на стойку — они звякнули, как маленькие колокольчики, возвещая о новой главе.

— Осип проведёт и отдаст лошадей, — сказал мужик, кивая на парнишку.

Попрощалась, подала знак ирлингу следовать за мной и пошла вслед за провожатым на задний двор. Парень скрылся в конюшне, но уже через минуту появился с двумя оседланными жеребцами.

— Это Ночь, — кивнул он на полностью чёрного коня, чья шерсть казалась поглощающей свет, как беззвёздная ночь. — А это Ветер, — показал на второго — тоже чёрного, но местами в белую, будто смазанную полоску, словно ветер оставил на нём свои следы. Он отдал мне поводья, и кожа ремней была тёплой, почти живой.

— Не подскажешь, где тут самый короткий путь из города? — спросила у парня, и голос звучал спокойнее, чем я чувствовала себя.

Он объяснил, как быстро выехать за пределы города, и ушёл в таверну. Я подошла к ирлингу, разрезала верёвку и отдала поводья от Ночи. Сама запрыгнула на Ветерка — и конь фыркнул, будто понимал, что впереди нас ждёт не прогулка, а бегство.

— Думаю, не надо объяснять, что в целях безопасности надо быстрее уезжать, — сказала, глядя прямо в глаза парню. — Запрыгивай и догоняй.

Сорвалась с места, и цокот копыт отозвался эхом в узких улочках. Позади услышала топот второй лошади — Парень быстро поравнялся со мной. Мы быстро и беспрепятственно выехали за пределы города и пустили коней в галоп — ветер бил в лицо, развевая волосы, и на мгновение показалось, что мы обгоняем саму судьбу.

В быстром темпе мы проскакали примерно час, после чего я решила дать лошадям отдохнуть и перешла на мерный, размеренный шаг. Тишина вокруг была непривычной после грохота арены — она обволакивала, как мягкое одеяло, но в ней слышались отголоски недавнего боя.

— Как тебя зовут? — решила поближе познакомиться с ирлингом, нарушая эту хрупкую тишину.

— Камиль, — ответил он без лишних слов, и в этом коротком имени чувствовалась какая-то сдержанная сила.

— Меня Кас, но ты, наверное, слышал, — улыбнулась, и улыбка получилась немного кривой, будто мышцы лица ещё не привыкли к чему-то, кроме напряжения.

По его лицу невозможно было что-либо понять — он владел собой так, как мне никогда не удавалось. По мне всегда видно, что я думаю — мама говорит, я как открытая книга. Не знаю, хорошо это или плохо. При встрече с врагами, наверное, плохо. Раньше у меня не было врагов, и мне незачем было прятать свои эмоции. Теперь вот обзавелась одним. Надеюсь, что только одним.

— Что собираешься делать? — вдруг поинтересовался Камиль, и вопрос прозвучал не как любопытство, а как попытка зацепиться за что-то реальное в этом безумном мире.

— Пока не особо чёткие планы. Я в процессе их составления, — ушла от прямого ответа, потому что и сама не знала, что будет дальше.

— Я про себя. Что будет со мной? — странный вопрос, в котором слышалась не надежда, а скорее горькое принятие.

— Я-то откуда могу знать. Твоя жизнь — ты и решай, — ответила честно, потому что не хотела давать пустых обещаний.

— Ты же меня выиграл в очень сложном бою. До сих пор не могу понять как? — он смотрел на меня, оценивая, будто пытался разгадать какой-то секрет, спрятанный под грубой тканью одежды и мальчишеской позой.

— А ты не видел самого боя? — покосилась на спутника, и он отрицательно помотал головой.

— Меня увели перед началом, — пояснил он, и в этих словах слышалась какая-то тихая обида — не на меня, а на

саму несправедливость мира.

— Было, конечно, сложно. Не ожидал, что он настолько силён. Но и я хорошо подготовлен, — поймала скептический взгляд и усмехнулась. — А что касается выигрыша… Я просто хотел спасти тебе жизнь. Не планировал использовать в роли слуги или ещё как-то. Ты же понимаешь, что шансов у тебя было крайне мало? — спросила аккуратно, стараясь не задеть его гордость.

— Я знал, что живым мне не уйти, и спокойно принял свою участь, — твёрдо заявил ирлинг, и в этой твёрдости слышалась не слабость, а какая-то глубокая, выстраданная сила.

— Тогда почему ты так презрительно на меня смотрел на арене?

— Любому мужчине претит слышать о его слабости, тем более от заведомо более слабого существа, — ответил он, и я не стала обижаться — знала, что внешняя хрупкость всегда обманывает противников, и это всегда их ошибка.

— Ну, теперь-то ты рад, что остался жив?

— Пока не знаю. Я ведь не знаю, что меня ждёт, — признался он, и в этих словах было столько тихой горечи, что мне захотелось сказать что-то правильное, мудрое, но слова не находились.

— Странный ты. Никто не знает, что его ждёт, и все живут как-то, — наш диалог напоминал хождение вокруг опасного зверя: вроде спрашиваешь или отвечаешь, но аккуратно, из-

далека, боясь спугнуть.

— Я не знаю, чего мне ждать от тебя.

— Убивать и издеваться не планирую. Да и вообще, если тебе что-то не понравится, ты же можешь уйти? Или я чего-то не знаю? — уточнила на всякий случай, потому что не хотела, чтобы он чувствовал себя пленником.

— Безусловно, я могу попробовать сбежать. Но ты действительно спас мне жизнь, и я в знак благодарности хочу заслужить свободу честно, — высокопарно загнул он, и от этой высокопарности мне стало немного неловко.

— Вот это всё не надо. «Заслужить» звучит как-то не очень красиво. Если бы ты это сказал при моей маме, она бы мне по голове настучала, — хохотнула, чтобы разрядить обстановку, и смех прозвучал немного нервно, но искренне. — Мне от тебя ничего не надо. Ты свободен в своих решениях и действиях. Единственное… Можешь меня проводить к драконам или объяснить, как добраться, и дальше я сам. Я совсем не ориентируюсь в этих краях.

— К драконам? — удивился Кам, и в его удивлении слышалось что-то большее, чем просто вопрос.

— Это не то, о чём ты подумал, — сразу начала оправдываться, хотя и не знала, о чём он подумал.

— Ты же не знаешь, о чём я подумал, — усмехнулся он, и эта усмешка была почти тёплой.

— О чём бы ты ни подумал, это всё равно не то. У меня к ним дело, — подумала и добавила: — Личное. Так покажешь

дорогу?

— Можно добраться до границ ирлингов — тут не так далеко, а уже по нашей территории будет безопаснее, — предложил он, и в этом предложении слышалось не только знание местности, но и какое-то тихое принятие — будто он наконец-то нашёл цель, за которую можно держаться.

— Ты прав. Так и сделаем, — согласилась я, и это простое «так и сделаем» прозвучало как клятва, как начало чего-то нового.

Мы изменили направление, и солнце медленно опускалось к горизонту, окрашивая небо в тёплые, золотистые тона, будто прощалось с нами, обещая новый день. До поздней ночи были в пути, и лишь после захода светила остановились на ночлег у реки. Вода тихо шептала что-то своё, вечное, и её шёпот успокаивал лучше любых слов. Напоили коней и привязали к дереву — их спокойное фырканье смешивалось с шумом воды, создавая странный, уютный ритм.

— Тебе стоит промыть раны. Могу помочь, — проявила заботу, и голос прозвучал тихо, почти шёпотом, будто боялась нарушить хрупкую тишину ночи.

— А ты не очень похож на демона, — отозвался Кам, присаживаясь у края реки, и я напряглась, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха быть раскрытой. — Слишком добр ко мне, — закончил он, и я выдохнула, понимая, что он не подозревает ничего.

— Я ко всем добр, пока не пытаются меня уязвить чем-ли-

бо. И мне всё равно, какой расы мой противник или друг. Меня так мама воспитала: нужно быть добрым ко всем и уметь постоять за себя, если придётся, — объяснила, и в этих простых словах была вся моя правда.

— У тебя мудрая мама. Жаль, она не правит демонами. Тогда, может, и войны бы не было, — произнёс Камиль тихо, и в его голосе, обычно сдержанном и ровном, вдруг проскользнуло что-то обнажённое, незащищённое — усталость существа, которое слишком долго видело несправедливость и разучилось верить, что кто-то может её исправить.

— Мама у меня самая лучшая, — с улыбкой и ностальгией вспоминаю её. Я уже скучаю — по её тихому голосу, по тому, как она гладит меня по голове, по запаху трав и свежего хлеба, который всегда от неё исходит. Скучаю по дому, по папиному ворчанию, по смеху братьев и сестры. И от этой тоски острой, как укол, горло сжимается, но я молчу, прячу, как всегда прячу всё, что болит.

Оторвала кусок ткани, смочила в прохладной воде реки — она была ледяной, почти обжигающей, и от этого холода пальцы быстро коченели, но я продолжала. Принялась промывать раны парня, и под моими руками его кожа вздрагивала, мышцы напрягались, но он молчал — терпел, стиснув зубы, и в этом молчании было столько привычной к боли, что мне стало не по себе.

Промыла глубокий порез на боку — рана была рваной, неровной, будто её нанесли не клинком, а чем-то тупым, тя-

жёлым. Кровь уже запеклась, тёмная, почти чёрная, но края начали затягиваться, розоветь, и стало видно, что природная регенерация работает хорошо. Без неё Камилю было бы гораздо хуже — значительно хуже, может, даже критически, и от этой мысли руки дрогнули.

Перешла на грудь. Аккуратно провела по краю раны — тут синяк граничил с рассечением, и кожа вокруг была тёмной, лиловой, с жёлтыми краями, как увядающий цветок. Услышав сдавленное шипение, подняла глаза. Мы встретились взглядами — его тёмные, полные боли и сдержанности, и мои, в которых, наверное, читалось слишком много беспокойства для случайного спасителя. Что-то я не подумала. Я же парень. И в этот момент близости, когда наши лица оказались на расстоянии ладони, я вдруг осознала всю абсурдность ситуации: девушка, переодетая мальчишкой, в чужом мире, промывает раны неизвестному парню у реки в полумраке.

— Думаю, спереди ты сам справишься, — всучила ему клочок ткани и отошла к сумке, стараясь, чтобы движение выглядело небрежным, а не испуганным. — Я займусь спиной. Там ты не достанешь, — произнесла ровно, будто ничего не случилось, будто не было этого мгновения, когда что-то мелькнуло между нами — непонятное, неловкое, как первое прикосновение к раскалённому металлу, от которого инстинктивно отдёргиваешь руку.

Взяла новый кусок ткани и принялась за спину. Она по-

страдала сильнее — тут раны были не просто синяками и царапинами, а настоящими рубцами, глубокими, рваными, будто кто-то целенаправленно, методично, с жестоким терпением уничтожал его тело. Его что, плетью или палками били? И от этого вопроса внутри всё похолодело, потому что я уже знала ответ — знала, но не хотела верить, что в этом мире, который богиня создавала с такой заботой, кому-то могло прийти в голову нечто подобное.

А на лопатках вообще самые ужасные и глубокие раны. Два одинаковых симметричных рубца — они выглядели так, будто кто-то положил на живое тело два раскалённых железа и держал, пока плоть не обуглится. Кожа вокруг них была неровной, бугристой, шрамы расходились от центра веером, как трещины на высохшей земле.

— Чем это они тебя так? — не удержалась от вопроса, и голос прозвучал тише, чем я хотела, будто я боялась спугнуть ответ, боялась услышать то, что и так уже понимала.

— Мне отрезали крылья, — ответил он. Старался говорить спокойно, но я уловила нотки горечи и злобы — тонкие, едва заметные, как трещина в камне, которую видишь только если знаешь, куда смотреть. И от этих ноток мне стало по-настоящему больно — не за него, а вместе с ним, будто его боль на мгновение стала моей.

— Это, конечно, большая потеря. Я бы даже пожелал им сгореть в огненном пламени живьём, — произнесла, и слова прозвучали жёстче, чем обычно звучат из моих уст, но в этот

момент я не могла иначе — ярость на тех, кто это сделал, кипела внутри, тёмная, тяжёлая. — Но главное — ты остался жив. Думаю, что без крыльев прожить можно, — старалась подобрать правильные слова, но получалось плохо. У меня никогда не было крыльев, и я плохо представляю, каково это — лишиться чего-то, что с тобой с рождения, что было частью тебя так же, как руки или глаза.

— Проживу. Других вариантов у меня всё равно нет, — он сказал это с той простой, безжалостной честностью, которая бывает у людей, давно переставших жалеть себя. — Жаль только, что не смогу стать отцом. Всегда мечтал о сыне, — и от этих слов, от этой тихой, безысходной тоски, мне стало так горько, что я обошла его, чтобы посмотреть в лицо — проверить, шутит ли он.

— Они что, и там всё отрезали? — спросила дрожащим голосом, с выпученными от шока глазами, и моё воображение тут же нарисовало картину настолько жуткую, что меня едва не затошнило.

— Нет, слава богине, — успокоил он, и я выдохнула так резко, будто из лёгких разом выпустили весь воздух. — Просто без крыльев это всё равно, что без рук или ног. Ни одна девушка не выйдет за меня замуж, — произнёс он тихо, и в этих словах была не жалость к себе, а горькое, усталое признание факта, с которым он давно смирился.

— Глупости, — махнула тряпкой и вернулась к своему занятию, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, будто я знаю,

о чём говорю. — Если девушка любит по-настоящему, ей неважно, какой у тебя изъян, — и, говоря это, я вспоминала Виолетту и Шинашиса, и то, как сестра смотрела на него — на его лицо, изуродованное шрамами, — с такой нежностью, будто не видела ничего прекраснее.

— Откуда столь глубокие познания о девушках? — хмыкнул он, и в этом хмыканье слышалось не столько недоверие, сколько горькое любопытство существа, которое давно решило, что для него любовь закрыта.

— Моя сестра вышла замуж за парня, у которого шрам на пол-лица, — объяснила, как смогла, и тут же мысленно хлопнула себя по лбу. Надо следить за речью, а то меня раскроют — слишком много личного, слишком много правды просачивается сквозь брешь, которую я не умею держать закрытой.

— Это совсем другое. Шрамы — одно, а физические увечья, при которых отсутствует часть тела, — совсем другое, — возразил он, и в этом возражении была вся его боль, вся его убеждённость в собственной неполноценности, которая, казалось, въелась в него глубже, чем рубцы на лопатках.

— Да то же самое. Тем более что тело твоё целое, — продолжала настаивать на своём, и в этом упрямстве была вся я — та самая упрямая Ксю, которая не умеет сдаваться, даже когда шансы равны нулю.

— У нас на свадебном обряде мужчина берёт на руки женщину и взлетает в небо, а потом летит до их дома. Как я буду

проходить обряд? — грустно рассказывал парень, и, произнося эти слова, он смотрел куда-то сквозь меня, будто видел перед собой не речную гладь, а небо — то самое небо, в которое он больше никогда не поднимется.

— Ну, ничего, на руках пешком к дому и отнесёшь. А небо? Если захочет, на следующий день сама слетает и посмотрит, — ответила я, и в этих словах было столько простодушной, почти детской логики, что Камиль засмеялся — впервые за всё время, что я его знала. И смех его был коротким, тихим, будто он давно разучился этому звуку и теперь заново вспоминал, как это делается.

— Ты забавный парень. Только наши девушки не такие. Идти по земле до дома — это позор, — он говорил серьёзно, но в уголках его губ всё ещё пряталась тень улыбки, будто смех оставил после себя след, который он не успел стереть. — Я видел как-то свадьбу. Парень был молод, и у него не хватило сил взлететь с девушкой достаточно высоко. И она отказалась выходить за него. Сказала, что он опозорил и себя, и её, — рассказывал он, и в каждом слове звучала тихая, устоявшаяся горечь — не острая, не свежая, а тупая, привычная, как боль в непогоду.

— Ну и дура. Надеюсь, больше её замуж никто не звал, и она до сих пор одна, — выпалила я, и от этих слов стало легче, будто я отомстила за незнакомого парня, за его унижение, за всех, кого отвергли за то, что они не соответствовали чьим-то ожиданиям. — А что с парнем? — закончила

со спиной и присела напротив ирлинга, доставая из сумки скромный ужин — хлеб, немного сыра и вяленое мясо, — и в тусклом свете лун и звёзд наша трапеза выглядела почти торжественной, будто мы не беглецы, а путники, которые после долгой дороги наконец-то нашли минуту покоя.

ГЛАВА 6

Не думала, что всё так закрутится, и купила только буханку хлеба, немного сыра и вяленого мяса — скудный запас для долгого пути, но тогда мне казалось, что этого хватит. Разложила еду на сумке, и в тусклом свете угасающего дня эти простые продукты выглядели почти драгоценными: тёмная корка хлеба, ломтики жёлтого сыра, полоски жёсткого, но ароматного мяса, пахнущего дымом и пряностями.

— Давай поедим, — предложила я, и он подсел ближе, осторожно, будто боялся спугнуть хрупкое чувство безопасности, которое витало между нами, как утренний туман над рекой.

- Парень долго горевал, потом стал много тренироваться. Когда началась война, ушёл в первых рядах. Пока так и остаётся свободным. А девушка вышла замуж почти сразу. Она красивая, и желающих было много. Только муж ей достался не очень хороший.

— Почему? — спросила я с набитым ртом, и крошки хлеба рассыпались по коленям, но я не заметила — так захватил

меня рассказ.

— Он намного старше, вдовец, имеет двух детей. Ей пришлось взять на себя их воспитание и ведение хозяйства. Он был богат. Она и повелась на деньги. Только после свадьбы узнала, что у него больше долгов, чем денег, и всё придётся делать самой, — Камиль говорил спокойно, без осуждения, будто пересказывал старую легенду, которую слышал столько раз, что она уже не ранила.

— Это её наказание. Богиня всегда всё видит и воздаёт всем по заслугам, — произнесла я, и слова прозвучали твёрже, чем я чувствовала себя внутри. Философия — это мой конёк, или, вернее, то, за что я цепляюсь, когда мир становится слишком жестоким.

— Ты правда так считаешь? — как-то странно посмотрел он на меня, чуть прищурившись, будто пытался разглядеть что-то скрытое под грубой тканью одежды и мальчишеской позой. Неужели тот парень и есть он сам? Как бы аккуратно узнать?

— Конечно. Девушка уже наказана, а парню тому богиня пошлёт самую лучшую женщину в мире. Она будет любить его и подарит детей, — разошлась я в мечтаниях, и голос мой звенел, как натянутая струна, готовая вот-вот порваться от напряжения. — И демонам за войну воздастся. Будут страдать и вымаливать прощение у богини.

— Ты же тоже демон. Не боишься? — «Ой, увлеклась», — мелькнуло в голове, и я почувствовала, как по спине про-

бежал холодок неловкости.

— Нет. Я же не воюю. Вот тебе жизнь спас. За что меня наказывать? Азазель накажет только виновных. А Димитрису этому ещё и за меня добавит. Я буду сильно просить. Вот ему жену надо такую, чтоб лупила и скандалила каждый день. Чтоб перевоспитывала его, в общем, — попыталась перевести всё в шутку, и уголки губ дрогнули в слабой улыбке.

— Хотел бы я на это посмотреть, — усмехнулся Кам, и в этом усмешке было столько тепла, что на мгновение стало легче, будто тьма вокруг нас чуть отступила.

— Хм, я тоже, — и мы рассмеялись — коротко, тихо, но искренне, и этот смех прозвучал как маленький бунт против жестокости мира, который пытался нас сломать.

Спали по очереди. Сначала Камиль, я охраняла. Ему нужно было отдохнуть — усталость висела на нём тяжёлым плащом, и даже дыхание его было глубже, тяжелее, чем обычно. Потом он сменил меня на посту. Разбудил меня на рассвете — осторожно, едва касаясь плеча, будто боялся, что резкий звук или движение спугнут сон, который и так был хрупким, как тонкий лёд.

— Нам надо уходить. Сюда направляется группа существ, — сообщил он, тряся меня за плечо, и голос его звучал глухо, напряжённо, как натянутый лук перед выстрелом.

— Как ты узнал? — вскочила моментально, и сердце забилось где-то в горле, перекрывая дыхание.

— У нас хороший слух. Думаю, ищут именно нас, — от-

ветил он, и в этих простых словах было столько уверенности, что я сразу поверила — не было смысла сомневаться.

Мы оседлали лошадей и двинулись в путь. По словам Камиля, погоня приближалась, и каждый стук копыт отдавался в груди, как предупреждение. Мы скакали быстро, но я боялась загнать лошадей — их бока взмокли, дыхание стало хриплым, и от этого становилось ещё страшнее: если кони падут, мы станем лёгкой добычей. Увидев впереди лес, рванула к нему — тёмная полоса деревьев манила, как спасительный островок в бушующем море. Углубились метров на пять и привязали лошадей. Сами вернулись к краю, спрятались за деревьями и стали ждать. Вглядывалась вдаль, надеясь не увидеть среди преследователей Димитриса — его фигура, его движения, его взгляд были врезаны в память, как клеймо. Он очень силён. С ним справиться очень сложно, а если с ним подмога, мы не выстоим.

Вскоре появились десять всадников. Пробежав глазами по лицам, не нашла знакомого и выдохнула — воздух вышел из лёгких с тихим, почти неслышным стоном облегчения. С этими мы справимся. Отстегнула свой меч и кинула Камилю. У меня появилась идея.

— Держи. Только верни потом, — он поймал на лету, и металл звякнул, как предвестник беды.

— А как же ты? — в его голосе прозвучало беспокойство — тихое, но ощутимое, как дуновение ветра перед бурей.

— Я справлюсь, — опять вижу скепсис в его глазах — тот

самый, который говорил: «Ты слишком юн, слишком хрупок, чтобы делать то, что собираешься». — Верь мне, — произнесла твёрдо, и сама попыталась поверить в эти слова. Он нехотя кивнул. — Как они начнут суетиться, покажись им. Мне надо, чтоб ты отвлёк их внимание, — снова получила кивок, и это простое движение было как обещание, как клятва.

Пока демоны приближались — а это были они, я успела их рассмотреть: тяжёлые доспехи, мечи, уверенные движения, — я перебралась в сторону от Камиля. Мне нужно было приличное расстояние и хороший обзор. Достав шесть метательных ножей, присела за кустом на краю леса. Холодная сталь приятно холодила ладонь, и на мгновение это ощущение было единственным, что держало меня в реальности.

«Только бы рука не дрогнула. Я ещё ни разу не убивала. Не уверена, что смогу. Только на этот раз у меня нет выбора. Если не я, то они убьют нас. А я хочу жить. Хочу увидеть свадьбу Камиля. Хочу остановить войну. Да и домой вернуться хочу. К своим родным. Я много чего хочу ещё сделать. Столько всего ещё не видела и не попробовала. Так. Собралась. Поплачу потом. Сейчас от меня зависит многое», — твердила я себе, как заклинание, и пальцы сжимали рукоять ножа до побелевших костяшек.

Они подъехали на расстояние примерно десяти метров и остановились. Стали переговариваться — голоса звучали глухо, отрывисто, и каждое слово падало в тишину, как ка-

мень в воду. Один отделился и направился к лесу. Надо признать, выбрали самого большого, а значит, самого сильного. Прицелилась и метнула нож. Попала прямо в шею. Он схватился за неё и свалился с коня — движение было резким, неестественным, как у сломанной куклы. Остальные начали осматриваться, и воздух вокруг них будто сгустился от напряжения. Из-за дерева вышел Кам, привлекая внимание демонов. Они устремились к нему, и их фигуры сливались в тёмную волну, готовую поглотить всё на своём пути.

Находясь ко мне боком и не смотря в мою сторону, они предоставили идеальный шанс на нашу победу. Я встала в полный рост и один за другим метала ножи — движения были отточенными, почти механическими, будто тело знало, что делать, даже если разум сопротивлялся. Пятеро упали на землю, и тишина, которая последовала за этим, была тяжелее любого крика.

А вот теперь придётся драться. Жаль, ножей было мало. Четвёрка добралась до леса и, спешившись, углубилась в него. Послышался скрежет металла — резкий, пронзительный, как крик раненого зверя. Завязался бой. Главное, чтоб Камиль продержался, думала, приближаясь к ним сбоку. Выхватила на всплеске адреналина нож из шеи мёртвого демона и подняла его меч — тяжесть клинка была непривычной, но в ней чувствовалась какая-то мрачная уверенность. На подходе убрала ещё одного и всадила меч в спину второго. Оставшиеся двое заметили меня, и один из них переключил-

ся на меня. Завязался бой — удары сыпались один за другим, и каждый раз, когда металл встречался с металлом, искры летели в воздух, как маленькие звёзды, готовые тут же погаснуть.

Я отбивала атаки, делая пробные выпады. Метать ножи легче, чем нанести смертельный удар, стоя лицом к лицу. У меня был шанс, но я упустила его. Смогла нанести несколько незначительных ран, и эти царапины казались насмешкой над самой собой. Твердила сама себе, что должна, если хочу жить, но не могла сделать решающее движение. Всё время уходила в сторону, будто надеялась, что противник просто устанет и уйдёт. Мой противник неестественно выгнулся и стал оседать. Я замерла. За его спиной стоял Кам с окровавленным мечом в руке — его лицо было спокойным, но в глазах читалась усталость, которая была глубже любой раны.

— Что ты делал? У тебя было столько шансов, а ты отступал, — высказал своё недовольство Камиль, и голос его звучал не как упрёк, а как вопрос, на который он боялся услышать ответ.

— Я… я… сегодня впервые убивал, — произнесла дрожащим голосом и упала на колени, закрывая руками лицо. Пальцы впивались в кожу, будто я пыталась удержать себя от того, чтобы не рассыпаться на тысячи осколков.

— Ты чего? — он подошёл и опустился рядом, и его плечо оказалось рядом с моим, как тихая опора, которую я не заслужила.

— Прости. Не думал, что будет так сложно. Метать ножи проще. А вот убить, глядя в глаза, сложно. Я не смог. Прости, — боролась сама с собой, чтоб не разреветься, и слёзы царапали горло, как острые осколки. — Можешь собрать ножи, — попросила. — Я не уверен, что смогу.

— Хорошо, — растерянно ответил и отошёл, и его шаги звучали как приговор.

Продолжала сидеть и старалась не смотреть на мёртвых демонов — их неподвижные фигуры казались чуждыми, нелепыми в этом лесу, где всё дышало жизнью. Вскоре вернулся Камиль и протянул шесть чистых ножей — сталь блестела, как насмешка. Машинально спрятала их в голени сапог.

— Твой меч, — вернул мне и его чистым, будто хотел стереть с него следы того, что произошло. — Пойдём. Надо продолжать путь.

Поднялась и направилась следом, отмечая, что у Кама на поясе закреплены ножны с двумя мечами, а ещё один закреплён на спине. Выглядит внушительно, как воин, который видел слишком много битв, чтобы бояться ещё одной. Мы сели на лошадей и молча двинулись в путь. Около часа молчали, и тишина между нами была не пустой, а наполненной невысказанными словами, которые висели в воздухе, как дым после пожара.

— Как ты смог победить Димитриса? И как вообще можно быть настолько искусным воином и ни разу не убивать?

Как? — не понимал он, и в его голосе слышалось не осуждение, а искреннее недоумение, как у человека, который всю жизнь верил в одно, а теперь увидел, что мир устроен иначе.

— С Димитрисом мы бились двадцать минут. Победитель тот, у кого будет меньше ранений. К концу боя я остался без оружия. Меня спас только сигнал окончания боя, — рассказала правду, и слова звучали сухо, будто я пересказывала чужую историю, а не свою собственную.

— Но ты же не мог знать, что правила поменяют, — удивился ирлинг. — А если бы вы бились до смерти?

— Я не знаю. Я часто из-за чувства справедливости ввязываюсь в передряги, не думая наперёд, — поделилась своим главным недостатком, и в этих словах была вся моя правда — та самая, которую я прятала даже от себя.

— Удивительно, что до сих пор жив, — подытожил он, и в этом «удивительно» слышалось не восхищение, а тихая тревога, как у старшего брата, который не знает, как уберечь младшего брата от самого себя.

— Меня тренировал отец. Я хотел уметь постоять за себя. Хотел быть лучшим из лучших. Много времени проводил за тренировками и тренировочными боями с противниками сильнее меня. Я побеждал всех, но никогда не убивал и не участвовал в битвах или в войне. Не думал, что когда-нибудь меня это коснётся, — поделилась частью правды, и голос дрогнул на последнем слове. — Долго нам до границы ирлингов? — сменила тему, потому что не могла больше го-

ворить о себе — слова становились слишком тяжёлыми.

— Около суток пути, — ответил тут же, и в этом ответе было столько спокойствия, что на мгновение показалось, будто всё будет хорошо.

До привала на обед ехали молча. Я думала лишь о том, что стала убийцей, и никакие доводы разума не могли меня убедить в обратном. Старалась держаться, но получалось плохо. Не знаю, о чём думал Камиль, но ловила на себе его странные взгляды — в них смешивались тревога, уважение и что-то ещё, что я не могла назвать. По пути через лес наткнулись на зайца. Я метнула нож, и движение было таким привычным, таким автоматическим, что на мгновение я забыла, что делаю. Теперь у нас будет полноценный обед.

На привале занимался всем ирлинг — разводил костёр, разделывал тушку, жарил мясо. Я разлеглась на траве и смотрела в небо, ведя мысленный диалог с той силой, которая привела меня сюда.

«Вот зачем ты меня отправила сюда? Я не могу видеть смерть. И уж тем более принимать в этом самое непосредственное участие. Я не такая. Я выросла в мире и любви. Когда училась драться, то не думала, что придётся убить живое существо, и тем более не одно. Я думала, подерусь с парнями, напугаю или собью с них спесь. Я не машина для убийств. Как мне жить с этим? Как смириться или забыть? Как? Я просто не знаю, смо…»

— Пошли обедать, — вырвал меня из грустных мыслей

голос Кама, и он звучал так обыденно, так по-домашнему, что на мгновение всё показалось не таким страшным.

Встала и подсела к костру, на котором запекался заяц. Аромат жареного мяса смешивался с запахом дыма и хвои, и на секунду это было единственным, что имело значение. Камиль снял тушку с огня и разделил на куски. Один протянул мне — мясо было горячим, сочным, и первый кусочек застрял в горле, как упрёк.

— Ешь… С тобой всё хорошо? — изучая моё лицо, спросил парень, и в его взгляде было столько заботы, что хотелось просто уткнуться ему в плечо и заплакать.

— Да, — нагло врала, и голос звучал хрипло, будто я проглотила слишком много пыли.

— Ты плохо выглядишь, — сказал он мягко, без осуждения, и от этой мягкости стало ещё больнее.

— И чувствую себя так же. Как справиться с собой? — сдалась всё же я, и слова полились, как вода из треснувшего кувшина. — Я понимаю, что поступил правильно. Но на душе так паршиво, — смотрю с надеждой, будто он знает какой-то секрет, который сможет всё исправить.

— Со временем всё пройдёт. Ты привыкнешь, — произнёс он, и в этих словах слышалась не уверенность, а попытка найти хоть какое-то утешение.

— Я не хочу привыкать. Я не хочу превращаться в безжалостного убийцу. Я не такой. Я так не смогу, — опустила голову, пытаясь спрятать лицо, как завеса, скрывающая слёзы,

которые я не хотела показывать. Даже есть перехотелось — кусок мяса лежал на коленях, как тяжёлый камень.

Перед глазами всё время стояли безжизненные, стеклянные взгляды демонов, и это сводило меня с ума, как навязчивая мелодия, которую невозможно забыть. Камиль подсел ближе и обнял за плечи — жест был простым, почти братским, но в нём было столько тепла, что на мгновение холод внутри отступил.

— Всё пройдёт. Ты ещё слишком молод. С возрастом начинаешь проще смотреть на многие вещи, — прошептал он, и голос его звучал как далёкий, но надёжный маяк в штормовую ночь.

— Никакой возраст не заставит меня смотреть проще на смерть, — чувствую, что плотина слёз рвётся, и если не возьму себя в руки сейчас, то уже не смогу. Надо брать себя в руки. Делаю глубокий вдох, медленный выдох. Становится чуточку легче. Поднимаю голову и встречаюсь с понимающим взглядом.

— Никому не рассказывай, что тут было, — шепчу непослушным голосом, и слова звучат как просьба, как мольба. Надо перевести всё в шутку или попытаться спасти репутацию парня, которым я являюсь. Не знаю, как мужики, а вот девушка уже давно бы всё поняла. — Я стану сильнее. Ты прав. Мне нужно время, — произнесла твёрже, и в этой твёрдости слышалась не сила, а отчаянное желание верить, что я смогу.

— Вот и правильно, а теперь ешь, — сказал чуть хриплым голосом и поспешил отсесть, будто боялся, что если останется рядом, то сам сломается.

Пообедав, двинулись в путь. Камиль всю дорогу был задумчив и смотрел только вперёд, будто видел там ответы на вопросы, которые не решался задать. Я немного отошла, любовалась природой — зелёными кронами деревьев, игрой света и тени, пением птиц, которое звучало как насмешка над тем, что мы несли с собой. Ночь прошла спокойно. Я отдыхала первая. Камиль проснулся уже от запаха жареного мяса. Поели и снова в путь. Хотелось пить и мыться. Нам не удалось найти водоём. Вода кончилась за завтраком. От жары пить хотелось дико. Ещё и тело потело и чесалось от пыли и пота. Не привыкшая к такому, раздражалась и постоянно чесалась, и каждая мелочь казалась невыносимой. Кам был спокоен. Поражаюсь его выдержке и спокойствию — они казались нечеловеческими, как у существа, которое видело слишком много, чтобы удивляться чему-либо.

— Там есть речка, можем помыться, — сказал Камиль, указывая в сторону, и от одного этого слова — «речка» — внутри что-то ёкнуло, как будто мне пообещали не просто воду, а избавление от всех мук разом.

С радостью повернула в нужном направлении. В предвкушении ускорилась, и Ветерок, почувствовав нетерпение всадницы, рванул вперёд, будто сам мечтал о прохладной воде. Листья деревьев мелькали по сторонам, зелёные, яркие,

освещённые солнцем, которое палило безжалостно, и каждый луч ложился на кожу раскалённым прикосновением. И только на месте, увидев речку — небольшую, чистую, с прозрачной водой, поблёскивающей на солнце, как жидкое стекло, — осознала маленькую проблему. Вернее, не маленькую. Огромную. Такую огромную, что все остальные проблемы показались в сравнении с ней забавными мелочами.

— Быстро наберём воды, ополоснёмся и в путь. Через пару часов доберёмся до границы, — говорил Кам, и голос его звучал буднично, расслабленно, будто он не собирался делать ничего особенного. А потом он начал раздеваться.

РАЗДЕВАЛСЯЯЯ!

Что делать мне? Я не могу раздеться. Не могу, не могу, не могу — это слово билось в голове, как птица в клетке. В прошлый раз было темно, и мы мылись по очереди, пока второй занимался ужином или подготовкой к ночлегу. Тогда всё было просто: темнота скрывала то, что должно было быть скрыто, и я могла дышать спокойно. А сейчас — белый день. Яркий, безжалостный, заливающий всё вокруг светом, от которого не спрячешься. И мы вдвоём. И нет ни темноты, ни занавеса, ни стены между нами. Только воздух и солнце, и моё бешено колотящееся сердце.

Пока стояла и думала, как выйти из положения — а мысли неслись, сталкивались, путались, как испуганные рыбы в сетях, — он стал снимать трусы. Не думая больше ни секунды, скидываю сапоги и бегу к реке, и бег мой больше похож на

спасение — на отчаянный, панический рывок прочь от того, что вот-вот могло меня выдать.

— Я прям так. Заодно и одежда постирается! — кричу на ходу, и голос звучит на октаву выше, чем нужно, но мне уже всё равно — лишь бы не останавливаться, лишь бы не оборачиваться. Ныряю с головой, и прохладная вода обнимает меня, как спасение, как доспех, как стена между мной и тем, что могло бы случиться, если бы я осталась стоять на берегу ещё хоть секунду.

Мне срочно надо охладиться — и не только снаружи. Плыву под водой, насколько хватает дыхания, и мир под поверхностью кажется другим: приглушённым, тихим, зеленоватым от отблесков сквозь воду солнечного света. Здесь нет ни жары, ни пыли, ни неловкости — только тишина и прохлада, и тело, которое наконец-то перестаёт гореть. Выныриваю на середине, жадно хватая ртом воздух. Поворачиваюсь с опаской, будто жду подвоха. Камиль стоит в воде по грудь, и я выдыхаю — медленно, с облегчением, как человек, который только что увернулся от стрелы. Вода скрывает всё, что нужно скрыть, и на мгновение я чувствую себя в безопасности — хрупкой, иллюзорной, но безопасностью.

Разворачиваюсь и направляюсь к берегу, и каждый шаг по мелководью отдаётся в теле приятной прохладой, но внутри всё ещё трепещет, как пойманная бабочка.

— Зачем полез в одежде? Она же теперь мокрая, — качает головой Камиль и смотрит на меня, как на неразумное

дитя, и от этого взгляда — снисходительного, тёплого, почти братского — становится одновременно легче и неловко.

— Зато тоже чистая. При такой погоде высохнет быстро, — отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал беспечно, как у парня, которому просто лень было раздеваться, а не у девушки, которая спасалась бегством от собственной тайны.

На берегу отжимаюсь, насколько получается — ткань поддаётся неохотно, вода стекает по рукам, капли падают на раскалённый песок и тут же испаряются, оставляя тёмные следы, которые мгновенно исчезают. Прячусь за Ветерка, пока Кам одевается, и спина коня, тёплая, мускулистая, служит мне ширмой, за которой я могу хотя бы на мгновение перевести дух. Конь фыркает, будто удивлён моими манёврами, и я почти слышу в этом фырканье вопрос: «Что ты творишь, хозяйка?»

И вот мы снова в дороге. Как же я уже устала. Любила кататься на лошадях дома — по тенистым аллеям поместья, когда солнце мягкое, а ветер ласковый, и путь не длиннее прогулки до соседнего холма. Но не сутками напролёт. Не по незнакомым дорогам, где каждый шаг — это шаг в неизвестность, а тело ноет от седла, от пота, от пыли, забивающейся в каждую складку, каждую царапину, каждый порез.

Мы остановились перед лесом — густым, тёмным, будто отгороженным от остального мира невидимой стеной. Деревья стояли плотно, словно стражи, и их кроны сплетались над головой, образуя зелёный полог, сквозь который едва

пробивался свет. Камиль забавно свистнул — звук был коротким, мелодичным, похожим на птичий клёкот, и в этом звуке было что-то древнее, сигнальное, как будто он говорил на языке, которого я не знала.

— Это для стражи. Оповестил, что свои, — пояснил свои действия, и в его голосе звучала та спокойная уверенность, которая бывает только у тех, кто знает свою землю так же хорошо, как собственное тело. — Иначе могли пристрелить.

— Пристрелить? — ужаснулась я, и по спине пробежал холодок, не имевший ничего общего с речной водой. Мысль о том, что где-то в этих зарослях, в тени деревьев, кто-то сейчас целится в меня из лука, заставила сердце подпрыгнуть к горлу.

— Да. Из лука, — ответил он буднично, будто говорил о погоде, а не о том, что меня могли бы убить в любую секунду.

Вот об этом я вообще не подумала. Весь мой план — добраться до драконов, остановить войну, спасти мир — казался теперь таким наивным, таким детским, что хотелось сесть прямо тут, на земле, и засмеяться. Или заплакать. Надеюсь, меня не прибьют тут, как демона, — потому что в этом мире, где друзей от врагов отличают по свисту, а незнакомцев пристреливают без вопросов, моя смуглая кожа и мальчишеская одежда могут стать последним, что увидит незнакомый лучник.

ГЛАВА 7

Нас встретили несколько ирлингов в доспехах и с оружием в руках — их фигуры чётко вырисовывались на фоне тёмной стены леса, будто вырезанные из самой тени. Доспехи отливали тусклым серебром, мечи были тяжёлыми, внушительными, а взгляды — острыми, как лезвия. В этих взглядах читалась не просто настороженность — в них была готовность действовать, убивать, защищать, и от этого по коже бежали мурашки.

Увидев Камиля, на серьёзных до этого лицах появились улыбки — сначала робкие, едва заметные, как первые лучи рассвета, пробивающиеся сквозь тучи, а потом всё шире, искреннее, и вот уже кто-то пожимал ему руку, кто-то обнимал, похлопывая по плечу, и в этих жестах было столько тепла, столько облегчения, что даже мне, чужой здесь, стало чуточку спокойнее.

Нас окружили десять стражников, но я чувствовала, что в лесу их гораздо больше — невидимые, бесшумные, они наблюдали за нами из-за деревьев, из теней, из самой листвы, будто лес сам стал их союзником. В мою сторону отпускали косые взгляды — в них плескались презрение, ненависть и злость, тяжёлые, как капли расплавленного металла, падающие на кожу. Не трогали — уже хорошо. Стояла, прислонившись к боку Ветерка, и старалась не шевелиться, чтоб не привлекать лишнего внимания. Тёплое, надёжное тело коня служило мне опорой, его спокойное дыхание — якорем в

этом море чужих взглядов.

Кам отошёл с тремя в сторону и о чём-то тихо разговаривал — голоса звучали приглушённо, почти шёпотом, но я знала: у ирлингов острый слух, и каждое слово доносилось до остальных, как звонкая капля в тихом колодце. Остальные прислушивались и бросали на меня всё более изучающие взгляды — в них уже не было открытой враждебности, но было любопытство, насторожённое, цепкое, как когти хищной птицы. У них острый слух, чем я похвастать не могла. Но по взглядам поняла, что Камиль рассказывает историю нашего знакомства и путешествия — не всю, конечно, не до конца, но достаточно, чтобы оправдать моё присутствие рядом с ним.

Когда они вернулись, главный отдал несколько команд — голос его звучал твёрдо, уверенно, без лишних слов, и большинство стражников растворились в лесу, словно их и не было, будто они стали частью самой тени, частью деревьев и листвы. С нами пошёл только он и ещё два стража — их шаги были бесшумными, но ощутимыми, как лёгкое дрожание земли перед бурей.

С плеча одного из стражей сорвалась птица — маленькая, стремительная, с крыльями, похожими на лоскутки ночного неба. Она унеслась вперёд, мелькнув в воздухе, как серебряная стрела, и исчезла среди ветвей. Послали вестник о нашем прибытии, догадалась я, и от этой мысли внутри всё сжалось — теперь о нас знали, и спрятаться уже не получится.

Через пару часов мы вышли к городу — он возник перед нами, как мираж, ставший реальностью: аккуратные дома, светлые стены, узкие улочки, убегающие вдаль, и воздух, который вдруг стал другим — не лесным, густым и пряным, а городским, смешанным из запахов дыма, выпечки, лошадей и человеческой суеты. Это меня порадовало — мечта о том, чтобы нормально помыться и отдохнуть, вдруг стала почти осязаемой, как тёплый кусок хлеба в руке. Неплохо было бы ещё и поесть, но мыться я хотела больше — смыть с себя пыль дорог, запах пота, запах битвы, запах страха.

Пришли на площадь — просторную, вымощенную светлыми плитами, которые блестели на солнце, как полированное серебро. По периметру стояла стража — неподвижная, молчаливая, словно высеченная из камня, и от их неподвижности становилось не по себе. У большого одноэтажного белого здания стояла толпа народа — они переговаривались, жестикулировали, и в их движениях чувствовалось напряжение, как перед грозой. Не люблю излишнее внимание. Просто покажите, где таверна, и я испарюсь из вашего праздника жизни, думала я, сжимая поводья так, что пальцы побелели.

От делегации отделилась женщина и бросилась в нашу сторону — чуть полновата, но её это не портило, а даже придавало особый шарм: в её движениях была мягкость, в осанке — достоинство, а в глазах — столько света, что он, казалось, разгонял тени вокруг. При её приближении я узнавала знакомые черты — те самые, что видела в лице Камиля: те

же шоколадные волосы, отливающие медью на солнце, тот же профиль, будто высеченный рукой искусного мастера, та же линия губ, в которой читалась и сила, и нежность.

— Сынок, — произнесла она дрожащим голосом и кинулась на грудь Кама, и в этом слове было столько боли, столько любви, столько невыплаканных слёз, что оно прозвучало как молитва. — Я уже и не надеялась тебя увидеть, — обнимала, причитая и глотая слёзы. — Сколько ночей и дней я оплакивала тебя. Как я рада, что ты жив и вернулся.

От такой милой картины сама чуть не разревелась — горло сжало, в глазах защипало, и я стояла, отводя взгляд, стараясь удержать слёзы, которые так и норовили пролиться. Надо держать себя в руках. Как же я скучаю по своей любимой мамочке — зря вспомнила, сейчас точно разревусь, твердила я себе, стискивая зубы.

Моё внимание привлёк мужчина — он устал ждать и тоже направился в нашу сторону. Статный, подтянутый, с идеальной осанкой, будто всю жизнь учился держать спину так, чтобы ни один мускул не дрогнул. Прям король, улыбнулась я своим мыслям, и в этой улыбке было столько облегчения, столько тихой радости, что на мгновение все тревоги отступили, и мир показался чуть добрее, чем был минуту назад.

— Сынок? — услышала я растерянный и перепуганный голос женщины и, медленно повернувшись к ним, увидела, как её руки, тонкие, с выступающими венами, аккуратно легли на шрамы от крыльев — на эти пустые, безмолвные ме-

ста, где когда-то росли перья. Слезы хлынули с новой силой из её глаз, тяжёлые, горькие, они катились по щекам, оставляя мокрые дорожки, и в каждом слезе было столько боли, столько невысказанного ужаса, что воздух вокруг будто стал гуще, тяжелее.

— Как же так? Что теперь будет? Что делать? — начала причитать она, и голос её дрожал, ломался, звучал как стон ветра в пустом доме.

Это стало последней каплей. Чтоб не начать плакать с ней в унисон, я отошла в сторону и села прямо на каменную кладку площади — камень был холодным, твёрдым, и эта холодная твёрдость хоть немного заземляла, помогала держаться. Меня проводили взглядами, но промолчали — в этой тишине было больше сочувствия, чем в любых словах.

Тем временем подошёл мужчина — его шаги звучали ровно, уверенно, без лишней спешки, будто он привык, что мир должен подстроиться под его ритм.

— Здравствуй, сын, — сдержанно поздоровался он и пожал руку Камилю, даже не пытаясь оторвать от него плачущую женщину — в этом спокойном жесте было столько понимания, столько принятия чужой боли, что на мгновение мне стало легче дышать.

— Здравствуй, отец. Рад снова видеть вас с матушкой, — так же сдержанно ответил Кам, и в этих словах не было ни пафоса, ни показной радости — только тихая, глубокая благодарность за то, что эти люди просто есть.

— Дорогая, хватит лить слёзы. Радуйся, что сын жив. Пойдёмте уже. Дома всё расскажешь. А то уже зеваки собираются, — произнёс мужчина спокойно, но в голосе его слышалась та властность, которая не терпит возражений, но и не ранит.

И действительно, народу на площади прибавилось — люди подходили тихо, осторожно, будто боялись спугнуть счастье, которое наконец-то пришло в этот дом, но любопытство всё равно брало верх. Они стояли полукругом, перешёптывались, и в их взглядах смешивались радость, облегчение и то самое любопытство, которое бывает у тех, кто долго ждал новостей и наконец-то их получил.

Они двинулись вперёд. Мать вцепилась в локоть сына, будто боялась, что если отпустит хоть на секунду, он снова исчезнет, растворится в дыму войны и чужих земель. Я так и продолжала сидеть. Сейчас все уйдут, и я отправлюсь на поиски таверны — там, среди чужих людей, среди шума и суеты, мне будет проще спрятаться, стать невидимой. Не вышло.

— Кас, ты чего там сидишь? Пошли с нами, — крикнул, обернувшись, Камиль, и голос его прозвучал не как приказ, а как приглашение — тихое, почти робкое, будто он сам не был уверен, что имеет право меня звать.

Встала и поплелась следом, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в теле усталостью, которая накопилась за дни пути, за битвы, за бессонные ночи.

Зашли в этот шикарный дом — высокие потолки, мраморные колонны, резные деревянные панели, и всё это было не показным, а привычным, будто роскошь здесь была такой же обыденностью, как хлеб на столе. И меня стали посещать догадки о происхождении Камиля — не просто знатный юноша, не просто воин, а кто-то гораздо более важный, чем он хотел казаться.

Он попросил родителей дать нам время привести себя в порядок и уже за ужином всё обсудить — в этой просьбе было столько такта, столько заботы о моём смущении, что я едва не расплакалась снова, но сдержалась.

Мне предоставили комнату — она была похожа на мою спальню в родном доме: такая же большая и светлая, залитая мягким вечерним светом, который ложился на пол золотистыми квадратами. Огромная кровать с резным изголовьем, тумбы по бокам, кофейный столик с креслами, обитыми бархатом. Две двери справа — скорее всего, гардеробная и купальня. Заглянула в одну, сразу угадав купальню: мраморные стены, большая ванна на львиных лапах, полки с полотенцами и баночками, аромат лаванды и мяты витал в воздухе, словно обещая, что здесь можно смыть не только пыль дорог, но и тяжесть пережитого.

Закрылась изнутри и разделась — движения были медленными, почти механическими, будто тело не верило, что наконец-то может отдохнуть. Залезла в ванную, набирая воду в процессе, и когда тёплая вода сомкнулась вокруг меня, я

на мгновение перестала быть воином, спасительницей, беглянкой — я снова стала просто девушкой, которой нужно немного тепла и покоя. Как же мир прекрасен, подумала я, закрывая глаза и позволяя воде уносить усталость.

Отмылась от дорожной пыли, надела чистый комплект одежды, замотав перед этим грудь — привычка, ставшая необходимостью. Собрала волосы в хвост, осмотрела себя в зеркало — лицо было бледным, под глазами залегли тени, но взгляд оставался твёрдым. Повязала повязку на лоб — так лучше. Без неё у меня слишком милое лицо, слишком открытое, слишком выдающее то, что я пытаюсь скрыть.

Вышла из купальни — меня уже ждал Камиль. Он стоял у двери, слегка прислонившись к косяку, и в его позе было столько спокойствия, столько уверенности, что на мгновение я позавидовала этой его способности оставаться собой в любой ситуации.

— Готов? Пошли ужинать, — перешёл он к делу, и в этом переходе от тишины к действию было столько привычной заботы, что я невольно улыбнулась.

— Ты принц? Я правильно понял? — тоже не стала ходить вокруг да около, потому что устала от недоговорённостей, от попыток угадать, от страха ошибиться.

— Не совсем. У короля есть сын от первой жены, Самюэль, — начал краткий рассказ по пути в столовую, и голос его звучал ровно, без пафоса, будто он рассказывал не о своём месте в мире, а о чём-то обыденном. — Моя мама — Луиза

— была няней Самюэля. Мы росли с ним вместе, я младше на четыре года. Мой отец погиб, когда мне было десять. А жену короля убили демоны в начале войны. Два года назад мама вышла замуж за Бернара. Они вроде полюбили друг друга. Как-то так.

— Ну, слава богине, что ты не принц, — выдохнула я, и в этом выдохе было столько облегчения, что я сама удивилась своей реакции.

— Почему? — удивился парень, и в его взгляде мелькнуло что-то детское, почти обиженное, будто он не понимал, как можно не хотеть быть в центре внимания.

— Не люблю быть в центре внимания. Спаси я принца — от меня бы, наверное, не отстали. А так есть шанс затеряться в толпе, — пояснила как смогла, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, а не как оправдание собственной трусости.

— Разве ты не хочешь получить большую награду? — испытующе смотрел он на меня, и в этом взгляде было столько искреннего непонимания, что мне стало неловко.

— Нет. Всё, чего я хочу, — попасть к драконам, — важно подняла подбородок, и в этом жесте была вся моя решимость, вся моя мечта, ради которой я готова была терпеть неудобства, стыд, страх и даже презрение.

— Мы пришли, — перед нами открыли дверь, впуская в столовую.

Вот это размах — зал был огромным, с высокими окнами, через которые лился мягкий свет, с тяжёлыми шторами из

бархата, с картинами, изображающими битвы и победы, и с длинным столом, накрытым так, будто ждали не двух усталых путников, а целую делегацию. Как на лучших приёмах. Это всё ради нас или они так каждый день едят? — мелькнула мысль, и от неё стало не по себе.

Прошли к столу. Король и королева сидели во главе стола — их позы были расслабленными, но в них чувствовалась власть, та самая спокойная уверенность, которая приходит с годами правления. Слева от них сидел мужчина, чем-то похожий на короля — сын, вынесла вердикт, и в этой догадке было столько очевидности, что я даже удивилась, как не поняла этого раньше. Камиль сел рядом с ним. А мне предложили сесть по правую сторону — сыновья сидели со стороны матери, а мне пришлось сесть рядом с королём. Стало некомфортно — каждый взгляд, каждый шорох, каждый вздох казались слишком громкими, слишком заметными. Все бросали на меня презрительные взгляды, но пока молчали — ждали разъяснений от Камиля. А я ждала их реакции, когда они узнают правду, и от этого ожидания сердце билось где-то в горле.

— Ну, сынок, — слово взял Бернар, и голос его прозвучал твёрдо, властно, но без злобы, — мы все ждём рассказа, как тебе удалось выбраться от демонов живым. А главное — что один из них делает за нашим столом?

После этих слов сразу захотелось встать и уйти, исчезнуть, раствориться в сумерках, но я стойко ждала начала, а глав-

ное — окончания рассказа. Камиль бросил на меня извиняющийся взгляд — в нём было столько сожаления, столько беспомощности, что мне захотелось его успокоить, сказать, что всё в порядке, хотя ничего не было в порядке. Сделала бесстрастное лицо. По крайней мере, хотелось верить, что оно у меня именно такое — холодное, непроницаемое, скрывающее все мои страхи и сомнения.

— Я обещал Касу помочь добраться до драконов, — начал Камиль, и слова его прозвучали как приговор.

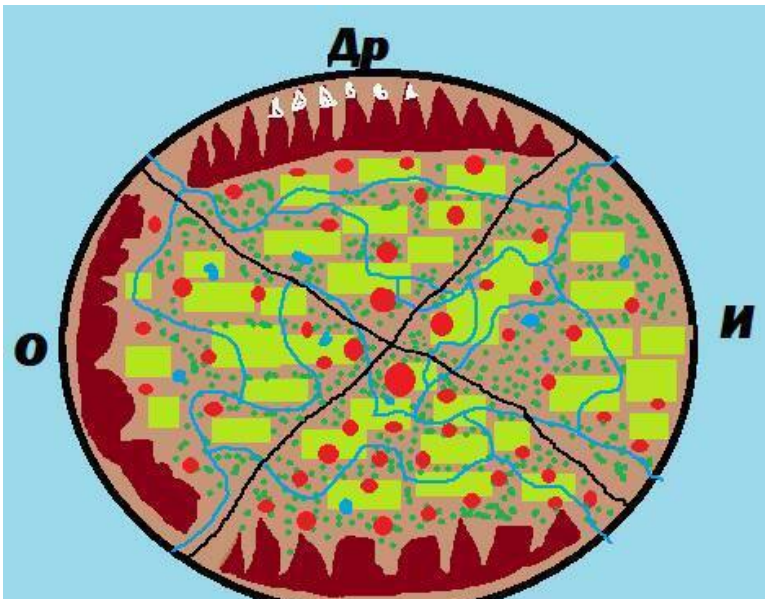
«Серьёзно? Именно с этого ты решил начать?» — не удержалась и влезла в разговор, пока на меня не посыпались нелицеприятные слова, пока тишина не стала тяжелее любого оскорбления.

— Ну, во-первых, ты не обещал, а промолчал. Сказал только, что по территории ирлингов будет безопаснее добираться. А во-вторых, меня не нужно провожать. Просто покажи направление и объясни приблизительно дорогу. Я тут же покину вашу гостеприимную семью, — в конце пламенной речи мне всё же не удалось скрыть раздражение — оно просочилось в голос, сделало его резче, чем хотелось.

Король подал знак слуге, и уже через секунду перед нами легла карта мира — большая, с тонкой росписью, с золотыми линиями рек и серебряными вершинами гор. Странная она какая-то, первое, что подумала я, увидев её.

Оказывается, у всех четырёх королевств главный город находится ближе к границе с остальными королевствами. На

карте обозначены не стороны света, а расы, которым принадлежит территория. Это большой континент, поделённый на четыре равные части, омываемый одним океаном. Богиня не соврала. Красными кружками обозначены города — яркие, заметные, как капли крови на белом полотне. Остальное более или менее понятно: на трёх частях — горы, голубым показаны реки и озёра, тёмно-зелёным — леса, светло-зелёным — поля. И глядя на эту карту, я вдруг поняла, насколько огромен мир, насколько малы мы в нём — и насколько велика та цель, к которой я стремлюсь.



— Мы находимся здесь, — начал объяснять король, и его палец, твёрдый и уверенный, лёг на карту, будто ставил печать на реальность. — Вы пришли вот отсюда, — он водил по пергаменту, и линии границ, тонкие, как трещины на льду, оживали под его прикосновением. — Если пойдёшь на северо-запад, вот сюда, вдоль реки, то попадёшь прямиком в город драконов, — закончил он, и палец замер, указывая

на крошечную точку, окружённую горными пиками, словно стражами.

Я посмотрела внимательнее, стараясь всё запомнить: изгибы реки, похожие на застывшую змею, тёмные пятна лесов, острые зубцы гор — каждая деталь должна была врезаться в память, стать картой не только на бумаге, но и в голове. В груди шевелилось странное чувство — смесь облегчения и тревоги: путь был обозначен, но он казался таким далёким, таким полным опасностей, что даже сама мысль о нём заставляла сердце сжиматься.

— Спасибо большое, — встаю с места, чувствуя, как ноги слегка подрагивают от напряжения. — Приятно было познакомиться. С вашего позволения, заберу сумку и коня и спешу откланяться, — улыбаюсь во все зубы, как дура, и улыбка выходит натянутой, неестественно широкой, будто я пытаюсь убедить всех — и себя в первую очередь — что всё в порядке, что я готова к дороге, что мне не страшно.

— Сядь на место и поешь, — зло рявкнул Камиль, и голос его прозвучал как удар хлыста — резкий, неожиданный, властный. Я сразу села, и только потом поняла, что сделала — тело среагировало раньше разума, подчиняясь привычке слушаться того, кто знает больше, кто сильнее, кто ведёт. И только опустившись на стул, я почувствовала, как внутри всё дрожит от этой внезапной вспышки его гнева.

— Разрешите начать рассказ? — обратился он к королю, и тот кивнул, позволяя, и в этом кивке было столько тяжести,

столько ожидания, что воздух в зале будто сгустился, стал плотным, почти осязаемым.

— Когда я попал в плен к демонам, то четыре дня меня пытали, — голос Камиля звучал ровно, без надрыва, но в этой ровности слышалась такая боль, такая выжженная пустота, что становилось страшно. — Димитрис сам занимался мной, — по взглядам присутствующих я поняла, что все знают, кто это: в глазах мелькнуло узнавание, смешанное с отвращением и страхом, будто само имя было проклятием. — Он знал, что я приближен к королю. Хотел выяснить, насколько и что может с этого поиметь. Я молчал. Не выдал ничего. Когда он сильно увлекался, то приходил лекарь и залечивал самые опасные раны. На пятые сутки он понял, что ничего не добьётся. Меня избили и отрезали крылья — хотели унизить напоследок, — произнёс он, и в этих словах не было ни жалости к себе, ни гнева — только сухая констатация факта, как будто он рассказывал не о своей боли, а о чём-то далёком, чужом.

Мать всхлипнула — звук был тихим, почти беззвучным, но он прорезал тишину, как лезвие.

— Пришёл лекарь и подлечил раны на месте, где когда-то были крылья. Только полностью залечивать не стал, а лишь до той степени, которая не угрожает жизни, — продолжал Кам, и я видела, как сжимаются его кулаки, как на шее вздуваются жилы, будто тело помнило каждую секунду той боли, даже если разум старался её спрятать. — Мне сказали, что я

буду сражаться на арене с Димитрисом. Бой будет длиться до последнего вздоха одного из нас. Если смогу его одолеть, то меня отпустят. Я в это не особо верил, да и на победу не рассчитывал. Я еле держался на ногах после всего перенесённого. Готовился умереть в бою, — мать снова утирала слёзы, и платок в её руках был мокрым, смятым, как её сердце.

Бернар с сыном подались вперёд — их позы были напряжёнными, застывшими, будто они боялись пропустить хоть слово, будто от этих слов зависела сама реальность того, что Камиль сидит перед ними, живой, настоящий.

— Меня уже вывели на арену и объявили зрителям о предстоящем бое. Тут вмешался Кас, — все посмотрели на меня, и взгляды были разными: в одних читалось удивление, в других — уважение, в третьих — недоверие. Я сидела, откинувшись на спинку стула, и слушала историю со стороны Камиля, пытаясь представить, как всё выглядело его глазами. Интересно узнать, как всё выглядит в его глазах — не как моя отчаянная выходка, а как что-то большее, значимое.

— Он стал обвинять Димитриса в слабости и отсутствии чести. Мол, победить измученного легко, пусть попробует победить здорового и полного сил. Желающих не нашлось, и тогда Кас предложил себя в роли соперника, — король ещё раз осмотрел меня, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение, смешанное с удивлением — будто он пытался разгадать загадку, которую я собой представляла.

— Димитрис отреагировал так же, как ты, — укорил он

отца, и в этой фразе было столько горечи, столько обиды на непонимание, что на мгновение мне стало его невыносимо жаль. — Они долго препирались, но пара оскорбительных фраз — и Димитрис, злой как тысяча волков, согласился на этот бой. С другими правилами. Поединок длился двадцать минут, победит тот, на ком будет меньше ран, и я в качестве приза. Он хотел ещё и проигравшего в трофеи записать, только Кас отказался. Зря, — посмотрел он на меня, и в этом взгляде было столько невысказанного, столько благодарности, смешанной с тревогой, что я невольно опустила глаза. — Самого боя я не видел, меня увели. Только по окончании вывели обратно. На Димитрисе две раны, а на Касе ни царапины, — Бернар ещё раз окинул меня взглядом и отодвинулся, и я еле сдержала смешок — в этом движении было столько осторожного уважения, что оно почти грело.

— Потом нам пришлось быстро покинуть город. Боялись погони. Приспешники Димитриса нас нагнали в дороге. Их было десять. Кас отдал мне свой меч и зашёл с другой стороны, пытаясь отвлечь их и окружить. Семерых он убрал смертельными бросками ножей и одного ударом в спину. Подобрал меч у убитых. С двумя оставшимися мы дрались на мечах. Когда я убил своего, помог Касу убить его противника. И вот мы здесь, — закончил Кам, умолчав о моём срыве из-за убитых, о том, как я падала на колени, не в силах смотреть на то, что сделала. В этом умолчании было столько заботы, столько желания защитить меня от чужих взглядов,

что на мгновение стало тепло, несмотря на холод зала.

Воцарилась тишина — густая, тяжёлая, будто сама комната затаила дыхание. Все молчали и смотрели на меня, и в этих взглядах было столько всего — благодарности, недоумения, уважения, страха — что я чувствовала себя как под лупой, выставленной на всеобщее обозрение. Я тоже молчала, добавить мне было нечего — слова казались лишними, пустыми, неспособными передать то, что творилось внутри.

И тут Луиза вскочила с места и кинулась ко мне — её движения были порывистыми, отчаянными, как у человека, который слишком долго сдерживал чувства. Все встали, и я машинально сделала то же самое, и угодила прямиком в объятия королевы — тёплые, крепкие, пахнущие лавандой и чем-то родным, почти забытым.

— Спасибо. Спасибо тебе огромное за сына. Моя благодарность не знает границ. Проси всё, что хочешь. Я в вечном долгу перед тобой, — тараторила она, тиская меня в объятиях, и голос её дрожал, срывался, и в каждом слове было столько искренности, столько материнской боли и радости, что у меня защипало в глазах. — Я сделаю всё, что… — прервалась на полуслове, и её взгляд изменился — стал осторожным, понимающим, и я сразу поняла его причину: она поняла, кто перед ней на самом деле. Я напряглась, в глазах мелькнул страх перед раскрытием.

— Прошу, молчите, — прошептала, умоляюще глядя в глаза, и в этом шёпоте была вся моя просьба — не выдавать

меня не возводить на пьедестал, не заставлять чувствовать себя обязанной. Она еле заметно кивнула и тут же отстранилась, и в этом движении было столько такта, столько понимания, что на мгновение я почувствовала себя чуть менее чужой.

— Что же это мы, — причитала она, уходя на место, и голос её звучал уже спокойнее, мягче, будто она пыталась вернуть всем ощущение обыденности, уюта. — Ты, наверное, голодный. Садись, поешь. Давайте все поедим, а всё остальное потом, — и в этих простых словах было столько заботы, столько желания просто накормить уставшего путника, что на сердце стало чуточку легче.

Мы приступили к ужину. Ели в полном молчании — только стук приборов, тихий шорох ткани, редкие вздохи нарушали тишину. Только Луиза бросала на меня изучающие взгляды — в них не было осуждения или неприязни, только тихая, осторожная благодарность и желание понять, кто же эта девушка, которая спасла её сына. И под этим взглядом я старалась есть спокойно, держать спину прямо и не показывать, как сильно дрожат руки — потому что, несмотря на всё, я всё ещё была просто уставшей, измученной дорогой девушкой, которой хотелось просто поесть, отдохнуть и снова отправиться в путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.